

К 1441295

*Звезда
Новожица*

Выпуск 10

Администрация Кичменгско-Городецкого муниципального района
Управление культуры, молодежной политики, туризма и спорта
Бюджетное учреждение культуры
«Кичменгско-Городецкая центральная межпоселенческая библиотека»

ЗВЕЗДА ПОЮЖЬЯ

Выпуск 10

Кичменгский Городок
2012

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Десятый выпуск сборника «Звезда Поюжья» важное, как теперь говорят, знаковое событие. Выпуская первый сборник в 2001 году, наверное, никто не загадывал о юбилейном десятом, не заглядывал так далеко, – все было слишком зыбко, неустойчиво в нашей стране и жизни.

Именно в эти годы А. С. Шубин – глава администрации Подосиновского района, предваряя выпуск второго сборника, сказал пророческие слова: «Смутному времени, которое спустилось на Русь, можно противопоставить только единство славянских народов. И мы, слитые воедино водами великой реки, в будущее смотрим с оптимизмом. Ведь если пишутся стихи, поются песни, возрождаются ремесла – значит жизнь продолжается. Нужно только вовремя остановиться, вырваться из плена каждодневной суеты, послушать тишину и прикоснуться к вечности...»

К выпуску десятого сборника «Звезда Поюжья» мы шли, действительно объединившись все: руководители районов и поселений, работники культуры, журналисты, члены литературных объединений Поюжья, читатели. В ходе наших фестивалей мы собирали и объединяли не только писателей и поэтов, любителей русской словесности, русской литературы, но и музыкантов, профессиональных и самодеятельных композиторов, художников, народных умельцев, гармонистов и частушечников, всех неравнодушных к великой русской культуре людей. И с тех пор мы не сворачиваем с намеченной нами дороги: посредством литературного слова объединить людей; писать смело, открыто, искренне, с любовью к нашему прошлому, настоящему, с верой в счастливое будущее России и ее жителей, с любовью к людям; писать ясно и выразительно, какую бы тему или сторону жизни мы не пытались бы отразить, описать, отметить, затронуть литературной строкой.

Все это в полной мере проявилось и в десятом сборнике «Звезда Поюжья», авторы, как и раньше, остро чувствуют и переживают за все, о чем пишут, к чему прикасаются умом и сердцем, что волнует их души. Выпуск коллективных сборников стал для многих авторов стартовой площадкой для будущего лите-

ратурного творчества. В них они впервые опубликовали свои произведения, получили возможность заявить о себе, познакомиться с творчеством «маститых профессионалов пера», увидеть реакцию читателей. И как результат этого, крепко мастерство авторов, количество переходило в качество, это все можно хорошо проследить, читая книжки «Звезды Поюжья», – стали издаваться персональные сборники, причем не только в местных редакциях газет, но и в областных центрах и в столичных городах. Некоторые авторы нашего альманаха, а «Звезду Поюжья» теперь уже, я думаю, можно так называть, так как в нем отражены различные жанры литературного творчества, а не одна поэзия, были приняты в Союз писателей и Союз журналистов, что говорит о большом профессионализме членов наших литобъединений. Теперь уже трудно подсчитать, сколько издано книг, коллективных и персональных сборников поэзии и прозы нашими друзьями от Никольска и до Устюга Великого, от Подосиновца и до Тарногского Городка, ну а песенное творчество просто поражает! И если есть у нас в области фестиваль «Восток литературный», что проходит в селе Нюксеница, то впору проводить и «Восток музыкальный», центром которого по праву должен стать наш родной Кичменгский Городок.

Деятельность литобъединений вызвала к жизни широкое детское литературное творчество, появление детских литературных и музыкальных кружков, клубов, стимулировала краеведческую деятельность детей, их творчество. А это значит, что у нас есть и будут продолжатели нашего дела, значит, есть надежда, что, несмотря ни на что, русский дух, русская культура, русские традиции будут жить. Надо только не сбиться с той дороги, что выбрана была десять лет назад, надо только не захлебнуться и не утонуть в волне западничества, в море телевизионной мути и вранья, политического обмана, горьких разочарований и безнадёжности.

Правда и искренность, вера и надежда, любовь и преданность нашему делу – вот что давало основу все эти годы деятельности литобъединений Поюжья. Так пойдем и дальше вперед за нашей Звездой.

М. Рыбин

Литературное объединение

«ИСТОКИ»

с. Кичменгский Городок

Михаил Рыбин

Наблюдения

Умеют женщины на свете
И ненавидеть, и любить,
В мужчине разглядеть поэта,
Или поэта в нем убить.

Различаемся мы статью
И живем по разным странам,
Но мы все – по крови братья
Клопам и тараканам.

Петух забыл про кур,
Он только песни пел...
Топтал бы кур, остался б цел.

Мужчины ходят в камуфляже,
У женщин жировой запас.
Теперь я знаю: мы на страже
И никто не запугает нас!

Внуки жмутся с песнями,
Добрая хозяйюшка,
Огород с картошкойю,
Дом при электричестве;
Только лишь на пенсии
Понимаешь истину,
Что не в деньгах счастье!
...Ну, а в их количестве.

Едим, любимся едой
И наслаждаемся, и млеем,
Не вспоминая той порой,
Чего на выходе имеем.

Любуясь новой одеждой,
Что у людей всегда в чести,
Должны мы помнить:
Как и прежде, под ней, – о, Господи, прости!

Чертовски хороши стихи
Бывают, если повезет,
И вместо Музы
Черт придет.

Бабушка нянчила внука Ванюшку,
Пела бабуля внуку частушки.
Вырос мальчишка, сам стал напевать.
Только и слышится: мать-перемать!

За целый день поймал ерша.
И вот сажу и думаю:
Или нет рыбы ни шиша,
Иль рыба стала умная?

В ванне или в бане
Думаешь в досаде:
Что-то мало спереди,
Что-то много сзади.

Рефлексия

*«Любовь слепа,
Командировка была временной.
Он улетел.
Осталась дурочка беременной».*

Н. Игумнов

Он был командированный
Читать студентам лекцию.
Она ушла взволнованной,
Увез он вич-инфекцию.

*Другу по случаю
выхода на пенсию*

Можешь спать сколь хочешь
И ругаться матом,
Бегать на охоту,
И рыбачить с лодки,
Петь, и любоваться
Солнечным закатом,
Можешь сколько хочешь
Баловаться водкой!
...Лишь бы эта радость
Не была короткой.

По стандарту лечить,
По стандарту учить –
Технологии будущей драмы:
Скоро будут мужчин
По стандарту давать
Грамма по три
Страдающей даме!

Мы реформы все поддержим,
Нам – идею расшифруй!
Мы в Россию нашу верим,
А в правительство –... всегда!

Сначала старческий склероз,
За ним и старческий маразм,
Но все же радуюсь до слез,
Что постепенно, что не враз!

*«Пой, гармонь, звени, душа!»
Л. Шашерин*

Пой, гармонь, звени, душа! –
Нет денег ни шиша,
А коль звенит моя душа,
Надо денег до шиша!

*Экспромт по поводу вручения мне
медали «Патриот России»*

Стою, смотрю, смущенный, вдаль,
Сияет на груди медаль.
Вот раньше бы сия медаль,
То кой-кого послал бы вдаль!

*Общественному
Российскому телевидению
посвящаю*

Желтая птичка

День был ясен и звонок.
Дом с облезлым фасадом,
Невеселый теленок
С обдристанным задом,
Что жевал чью-то шляпку
Осторожно, неловко,
Что висела, как тряпка,
Во дворе на веревке.

А мужик здоровенный,
Раскрасневшийся, потный
Колуном тяжеленным
Бил поленья охотно.
Его хмурая баба
На крылечке сидела
И дышала, как жаба,
И на мужа глядела.

На рябине зеленой
Пела желтая птичка, –
Голос был многозвонный,
Прямо, до неприличия.

Вдруг хозяйскую собачонку,
Что спала у крылечка,
Прилетевшая пчелка
Укусила за плечико.
Шавка с визгом метнулась
Прямо в ноги теленку,
На ходу кувыркнулась
И залаяла звонко.

Дико взбрыкнув ногами,
Тот оставил тряпицу
И заехал рогами
Мужику в поясицу.
Заорав благим матом,
Он упал, как лукошко,
Запустивши с размаха
Колуном по окошку.

Его хмурая баба
С непонятной фигурою
Превратилась из жабы
В настоящую фурию.
Почерневши от гнева,
Наводящая ужас,
«Крыла» справа и слева
И теленка, и мужа.

Где теленок носился,
И по улочке узкой
Далеко разносился
«Говор» северорусский...

Только желтая птичка
На рябине у ограды
Звонко до неприличия
Выводила рулады.

Татьяна Смирнова

Зимний танец

В белом кружеве ели, березы,
Самоцветом блистают снега.
За окошком лютуют морозы,
Стелет белою бязью пурга.
Зимний холод любовь не разрушит,
Если рядом родные глаза.
Лишним доводом счастьем послужит,
Набежавшая скупой слеза.

Кружит, кружит метелица,
Танцует зимний вальс.
Мне все еще не верится.
Что ты со мной сейчас.

Сказка зимняя сбудется точно –
Новогодний подарок судьбы.
Стужа лютая вяжет все прочно
Без особой на это борьбы.
В танце зимнем счастливо закружим,
Пусть исполнятся наши мечты.
Пусть метелица белая кружит,
Лишь бы рядом со мною был ты.

Октябрь

В октябре, как по весне,
Грязь везде и лужи.
Но не очередь весне.
Ждет все зимней стужи.
Поздно солнышко встает,
Дождик мелкий сеет.
Песню скворчик не поет,
Лист калины рдеет.
Все готовится к зиме
Долгой и суровой.
Дед Мороз спешит ко мне
В своей шубе новой.

В лесу

У елки на дорожке
Стоит на крепкой ножке,
Очень важен и велик,
Большешляпный боровик.
Рядом с ним боровичок
Примостился под бочок.
Пошурши в траве густой,
Загляни под елочки.
Ты отыщешь дар лесной
Новенький, с иголки.
Уважай дремучий лес!
Разных полон он чудес.

Ненастным днем

На дворе ненастье.
Что же делать Насте?
Может, спеть, потанцевать
Или дом нарисовать?
Ничего не хочется.
Даже пуфик колется.
Что же делать Насте
В хмурое ненастье?
Настя к шкафу подошла,
Книжку пеструю нашла.
А в книжке бурый мишка
И серенький зайчишка.
– Как все это прочитать?
– Надо просто буквы знать, –
Бабушка сказала
И букварь достала.
– Будем буквы изучать,
Будет некогда скучать.

Утро

Заглянуло солнце
В Танино оконце:
– Пора, Танечка, вставать.
Пора глазки открывать.
И не надо хмуриться,
Ждут тебя на улице
Белые ромашки,
Розовые кашки,
Речка серебристая
И трава душистая.
Ждет Танюшу петушок –
Золотистый гребешок.
Курочки-пеструшки
Ждут зерна из кружки.
Таня, Танечка, вставай
Свои глазки открывай!
Пора за дело браться.
– Скорее умываться!

Галина Некипелова

Ледоход

Ледоход, ледоход, ледоход,
Вновь на нашей реке ледоход.
Самый радостный день для меня.
Ведь весну вновь встречает земля.
Стало небо светлей, голубей,
В небо я отпущу голубей.
Снова чайки парят над рекой.
А я встречу сегодня с тобой.
Мне бы в небо над речкой взлететь,
Чтобы песню тебе эту спеть.
Мне бы крылья, чтоб землю обнять,
Нашу нежную, добрую мать.
Ледоход, ледоход, ледоход,
Вновь на нашей реке ледоход.
Это значит – проснулась земля,
Наша мама – родная моя.

У нас в саду скворечник
В нем дружная семья,
Что любит так сердечно
Родимые края.
Что здесь весной и летом
Без усталости спуют.
И вновь они с рассветом
Так радостно поют.
И на душе отрада
От светлых песен тех,
Как лучшая награда,
Как милый детский смех.

Детские стихи

Осенний кросс

Все на стадион гурьбой
Ветер бродит озорной,
Листья желтые разносит.
Вновь пришла хозяйка-осень,
Мы бежим сегодня кросс.
Догоняй, коли замерз.

Мухоморы

Полюбуйтесь! Мухоморы!
Шляпки красные с узором.
Хоть красивы и нарядны,
Только очень уж коварны –
Ядовиты и опасны.
Не бери их понапрасну.

Домой

На автобусе поеду
В эту пятницу домой.
У меня же пятидневка.
Ждет меня водитель мой.
За окном дома мелькают,
И деревья, и кусты.
Привезу в подарок маме
Самодельные цветы.
Вот обрадуется мама!
И похвалит: «Молодец!»
Хорошо, когда сияет
Эта радость двух сердец!

Я тебя словами,
 словно жалом,
Уколоть, подруга, не боюсь.
В этой жизни,
 ты пойми, не даром
Нам дается радость,
 боль и грусть.
Нам даются
 счастье и опора,
Вера и любовь,
 добро и зло.
Все лишь для того,
 чтоб мы с тобою,
Возвратившись
 в старое село,
Поняли, что лучше
 нет нам места.
Только здесь уютно и легко.
Ты – вдова, а, значит,
 ты – невеста,
Оттого и на душе светло.
Ты не пропадешь,
 счастливой будешь.
Не сегодня, и не вдруг, потом.
Будет все!
И беды позабудешь.
Будет у тебя
 свой милый дом.
Будут дети, внуки,
 жизнь по кругу
Незаметно, весело пойдет.
Но не забывай свою подругу,
Когда жизнь твоя
 пойдет на взлет.
Оттого словами,
 словно жалом,
Уколоть тебя я не боюсь.
Чтоб в душе твоей
 шалым пожаром
К жизни бы взметнулись
 искры чувств.

Люблю я светлые стихи,
Что заполняют душу лаской,
Что тихой радости полны
И мир расцвечивают краской.

И вновь, счастливая, в полет...
Душа взметнула свои крылья.
Как близко счастье, вот же, вот!
Оно в ручье бегущем, в листьях.

Оно в молчании лесном.
И в тишине, что нет заветней.
Оно в волнении земном,
И в чувствах, пусть и безответных.

В чудесной трели соловья,
В заре вечерней, тихой, ясной.
В трудах пчелы и муравья
Полезных, нужных и прекрасных.

В полете мыслей, добрых слов,
В молитве тайной и открытой.
Что над Россией есть покров.
Святой, невидимый, сокрытый...

Спрячу любовь на донышко,
В самую глубь души.
Пусть греет ласковым солнышком,
Будут дни хороши.
И ночи будут чудесными,
Жаркими, как огонь.
И будет душа невестою,
Будет счастливым дом.
Если глаза твои светятся,
Греет душу любовь,
Если в хорошее верится –
Значит, не зря живешь.

Татьяна Макарова

Ах, что-то зима намудрила,
И щедрой своею рукой,
Все то, что я раньше любила,
Засыпала легкой крупой.

Постойте, морозные ночи,
Свистеть в проводах и в трубе.
Тепло русской печки не хочет
Надолго остаться в избе.

И что-то вдали завывает,
То волк или просто метель,
Что снег в небеса поднимает
И кружит свою карусель.

Подальше от шумных поселков,
В глухой деревеньке моей,
И вдоль потаенных проселков,
Поверю я в сказку скорей.

Казалось, весна невозвратна,
Зима бесконечна теперь,
Уже не вернется обратно,
Как загнанный раненый зверь.

Опять в полумраке бессонном,
Подумаю, завтра опять
Мне, взявши лопату, проворно
К колодцу тропу прочищать.

Где-то в небе темном
Солнце в тучах скрыто,
Зарево огромным
Облаком разлито.

На земле холодной
Закружился ветер,
И скандально-теплый
Появился вечер.

Мне сегодня нужно
Думать о причале,
Ненадолго можно
Вспомнить о печали.

Быстро я надела
Теплую накидку,
Закрывать спешила
Старую калитку.

Ждать грозы мне, что ли
Выдержкой богата,
Где-то за полями
Слышно перекаты.

Пока шла перевала,
Закрывала все просинь,
Я опять опоздала
Встретить яркую осень.

А она отцветала,
После яркого лета,
Листья я собирала,
Словно золото это.

Прощавшись с дождями,
Обнимаю метели,
Осень, скрывшись плащами,
Встретить мы не сумели...

Золото падает с синего неба.
Здравствуй, весенний рассвет,
Месяц-краюху засохшего хлеба
Ночь дожевала чуть свет.

Там вдалеке коробки деревеньки,
Стали чернеть по весне,
Выйду во двор по замершим ступенькам
В ранний апрель налегке.

Лес, как колдун за ожившей рекою,
В речке медлительны льды,
Только бы снова новой весною
Не потерять головы.

Время пришло, чтобы снова нам встретить
Семьи шумливых грачей,
И невозможно опять не заметить
Длинные весенних ночей.

Небо тучи повесило важно
На июльскую теплую тишь,
И раскаты ударили дважды
Над пологими скатами крыш.

На деревья набросился ветер,
Спутав ветви, срывая листья,
И дождем заполняемый вечер,
Напоил и траву, и цветы.

И, умыв тополя вековые,
Смыв пылинки с красавиц-берез,
А наутро видны кружевные
И прозрачные капельки слез.

Заиграло солнечное утро
В золотистых листьях у берез,
Это август краски с собой будто
Снова разноцветные принес.

И опять в лесах и на полянах –
Всюду шляпы пестрые грибов.
Стали падать нынче очень рано
Листья у стареющих дубов.

Посмотрю на голубую высь я,
Птицы снова о тепле грустят,
Видя, как березовые листья,
Отрываясь, на землю летят.

Какое лето расцветает
В палящем золоте лучей,
И снова время наступает
Почти негаснущих ночей.

И манит в даль своих просторов
Благословенная земля,
В луга немислимых узоров,
На речку теплую, в поля.

На запах полевых ромашек,
Где слышны песни соловья.
Такое это лето наше,
Цветной июль, где ты и я.

Эта долгая осень
Золотила просторы,
Поливала дождями,
Засыпала листом.
И опавшие листья
Вели разговоры,
Все кружились, шуршали
За мутным окном.

Выйду в утренний сад,
Чтоб увидеть деревья,
Как с них ветер срывает
Остаток листы.
Вдалеке, как в тумане,
Чернеет деревня
Под куполом неба
Густой синевы.

Увижу на ветках
Я капли дождинок,
И пламени ярче
Рябины кусты...
Лишь в мор окунусь
Белоснежных снежинок,
Как будут сбываться
Простые мечты...

Холодный сумрак, – прощай,
И перестанет пылиться
Печаль моя на страницах,
Ведь наступил теплый май.

Мне будут сыпать цветы
Росу свою на ладошки,
Начнут сбываться немножко
Мои простые мечты.

А я их буду встречать,
Как радость писем в конверте,
Так, значит, надо на свете
И дальше жить продолжать.

Снова утрами роса серебристая
Всюду: на листьях, траве.
Воздух кристальный, а ива ветвистая
Грустно склонилась к реке.

Чайки над речкой кружат, в ней купаются,
Звонко над гладью кричат.
Травы с холодной росой прощаются,
Дружно от ветра шумят.

Что-то мне часто сейчас вспоминается
В детстве лес, поле, река.
Ива все та же над речкой склоняется,
Той, что всегда глубока.

Милая родина, самая лучшая,
Чтоб не случилось в судьбе,
И возвращается сердце заблудшее,
Снова, как прежде, к тебе.

Сумрак сгустился,
Холодная дымка,
Вечер забылся,
Ветер-волынка.

Вижу повсюду
Серые листья,
Я гнать не буду
Грустные мысли.

Колкие капли
Тушь мне смывают,
Дождь мой вряд ли
Мысли читает.

Вдруг помечтаю
О чае и печке,
Все не светает,
Туманно над речкой.

В доме родном
Одиноко и пусто,
Спрятаны сном
Мои лучшие чувства.

Мысли уходят
В холодную дымку,
Ветер заводит
Все ту же пластинку...

Дорога до весен
Вдаль уводила,
Грустную осень
Я ту не забыла...

Февраль меня кружил, как вьюга,
И шапку рвал с моих кудрей,
И косы снега полукругом,
Ложились утром у дверей.

Февраль стучался в дверь и окна,
Гудел тревожно в проводах,
И становились ярче стекла,
В рисунках разных, как в мечтах.

А утром в новой позолоте,
Сверкали в солнечных лучах,
И вдалеке на горизонте,
Блестела снежная парча.

Все было ярко, несерьезно,
Как свет ста тысяч светлячков,
Но как приятен был морозный,
Тот хруст от тонких каблучков.

Февраль, морозь, кружи и радуй,
Не страшен треск студеных дней,
Ведь так немного в жизни надо –
На сердце было б лишь теплой.

На родине моей сегодня осень,
И птичий шум давно угас,
Уже не режет солнце глас,
И в зелени лесов мелькает проседь.

Осенний день меня нагрел,
Лишь блеском золота листвы,
Как и весной дожди часты,
Но край родной помолодел.

И вот откуда радужные чувства,
Как были в дождь и холод по весне,
Да этот уголок еще дороже мне,
Такой вот тихий, пасмурный и грустный.

В лужах круги от дождя, как от слез,
Ухают где-то сычи,
Думай о том, что все не всерьез,
В этой холодной ночи.

Ветер срывает остаток листвы,
Лес беззащитнее стал,
Листья стремятся по быстрой реке,
Тихий находят причал.

Выжжено небо от молний и гроз,
Где тут идти веселей,
Если по радио грустный прогноз:
Ряд бесконечных дождей.

За поворотом – деревни огни,
В каждой избе – по судьбе,
Сами и солнце слепили они,
Разное, каждый себе.

Значит, поверю, пройдут все дожди,
Лужи впитает земля,
Сердце, немного еще подожди,
Все испытанья не зря.

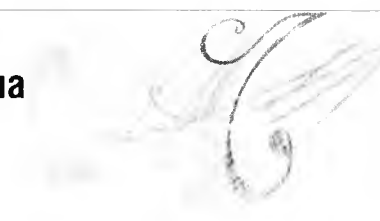
Приходит осени пора,
Так быстро промелькнуло лето,
Стоит у школы детвора
И держит яркие букеты.

А где-то желтые поля,
Прощально пролетают птицы,
И облетают тополя,
Дожди не прекращают литься.

И закружилась голова,
Вдруг от осенней непогоды,
Я слушаю, как шелестит листва,
Я слушаю, как быстротечны годы...

Лидия Дурягина

Милой маме

В детстве много не бывает
Мамы, папы и любви,
Даже боль при них стихает,
Если рядышком они.

Хмурый день при них светлеет
И таблетка не горька,
Струйка дождика теплеет,
Тишина не так хрупка.

Двор у дома станет садом,
Мир улучшится вдвойне,
Если в это время рядом
Улыбнется мама мне.

Мама скажет, что я – «чудо
Ненаглядное» ее.
Улыбнется очень мудро:
«Счастье милое мое!»

А мои глаза сияют,
В детский сад я с ней спешу.
Руки маму обнимают,
О любви я ей скажу.

Радуга

Дождинок бисерные капли
Застыли в небе над землей,
Свет солнца превратили в краски,
Подняли радугой-дугой.

В ней семь цветов всегда пред нами
Сомкнулись в яркую дугу,
Которую я в детстве раннем
Найти пыталась на лугу.

Потом решила – краски эти
Упали каплями в траву,
Цветами стали, значит, летом
Букет я с радугой нарву.

Букеты весело пестрели
На подоконниках, столе.
Глаза с надеждою смотрели,
Искали радугу в избе.

И сколько б лет не миновало,
Всегда с надеждой лето жду,
Жду чудо, жду привет из детства –
На небе радугу-дугу.

Бабье лето

Дивная осень, цветной листопад,
Чудные дни исчезают в закат.
Небо над солнцем – прозрачная синь,
Крик журавлей – улетающий клин.

Клумбы последние дарят цветы,
Листья теряют вокруг них кусты.
Холод большой не тревожит еще
Яркую осень, убранство ее.

Воздух прозрачный, туман по утрам,
Праздник последний в лесу грибникам.
Лето короткое в осень пришло,
Зрелое лето, ведь бабье оно.

Водяные струйки вниз
Тучка уронила,
Ане маленькой как раз
В щечку угодила.

Струйки дружно вниз бегут...
Две и три за первой.
У чумазой Ани вдруг
Щечки стали зеброй.

Благодарю судьбу

Благодарю за радость жизни,
И лучик солнца золотой,
За речку меж лесов тенистых,
И чайку над речной волной.

Благодарю за воздух чистый,
Березу под моим окном,
За луг в росинках серебристых,
И радугу с грибным дождем.

Благодарю за ночь с прохладой
И звездный в небе хоровод,
За лик луны с ее загадкой
И полукруглый небосвод.

Благодарю за радость лета,
Осенний листопад цветной,
За снежную зимой планету
И пробуждение весной.

Судьбе спасибо, разрешает
Весь этот мир для жизни нам,
И за любовь, что позволяет
Взметнуться птицей к облакам.

Татьяна Колосова

Открывается в школу дверь,
Пусть забудутся все невзгоды.
Ты – учитель, а, значит, теперь
На виду у всего народа.
А народ – он велик и мал,
В ожидании чудес неизвестных,
Хорошо бы учиться стал,
Если б было ему интересно.
И примерно бы вел себя,
Если ты уважения достоин,
А еще, если любишь ребят,
И уверен в себе, и спокоен.
Быть учителем – тяжкий труд.
И не каждому он по силам.
Пусть в профессию эту идут
Те, кого судьба наградила
Добротою, терпением, умом,
Честью, совестью, состраданием,
Кто бы помнил всегда о том,
Что учитель – это призвание!

Не зови меня любимую,
Потому что это ложь.
Сердце нежное, ранимое
Грубой лестью не тревожь.
Не считай наивной, странною,
Это все не обо мне.
Назови меня желанною
Невзначай, наедине.

Теплые, нежные руки
Гладили волосы, плечи.
Музыки плавные звуки,
Зимний таинственный вечер.
Может, все это не с нами?
Юность давно миновала.
Выбросим белое знамя?
Или начнем все сначала...

Взрослые сыновья:
Не один, не два... три!
Пока не отцы, не мужья,
Но недалеко до зари
Свадебных маршей
И колыбельных.
Будут чуть старше
Или прицельней
Стрелы амура...

Татьяна Ветрова

Колокольный звон

*1 августа 2010 года на колокольне Ильинской церкви села
Кобыльск силами прихожан были установлены 6 колоколов,
а 2 августа над селом полпыл праздничный колокольный звон.*

Носит теплый ветер
Аромат цветов.
А с Ильинской церкви –
Звон колоколов.
Сколько ж лет без Бога
Югом утекло,
День Ильи-пророка
Вновь пришел в село.
Звон плывет над Югом,
Звон летит окрест,
Слышит вся округа
Дивный благовест.
Значит, все невзгоды
Будут не страшны.
Значит, дальше – с Богом.
Значит, мы – сильны.

Господи, помилуй,
Господи спаси! –
Издrevле молились
Люди на Руси.
Золотом сусальным
Крыли купола.
В радости пасхальной
Благодать жила.
Звон плывет над Югом,
Звон летит окрест,
Слышит вся округа
Дивный благовест.
Значит, все невзгоды
Будут не страшны.
Значит, дальше – с Богом.
Значит, мы – сильны.

По щеке горячей
Пробежит слеза,
Стал народ наш зрячим,
Он открыл глаза.
И дорогу к храму,
Наконец, нашел,
ВЕРЫ ПРАВОСЛАВНОЙ
СИЛУШКУ ОБРЕЛ!
Звон плывет над Югом,
Звон летит окрест,
Слышит вся округа
Дивный благовест.
Значит, все невзгоды
Будут не страшны.
Значит, дальше – с Богом.
Значит, мы – сильны.

Подари мне, подари
Это утро раннее.
Пусть со всполохом зари
Станет легче раненой
Птице, изгнанной с небес
За ее неверие,
Для которой мир исчез,
Превратившись в серое
Дней мельканье и забот
Ношу постоянную.
Так идет за годом год...
Доля окаянная
Уготована для всех,
Кто в любовь не верует.
НЕ ЛЮБИТЬ есть тяжкий грех,
Кто нас исповедует?..

Размышления «из замужа»

Замужем – значит «за мужем»

В жизни всякое с нами случается,
А семейный разлад – время вспять.
Полоса невезения тянется,
Ну зачем мне все это опять?!
Чтобы я научилась терпению,
Чтобы я научилась прощению,
Чтобы я научилась любить
Не героя, отважного, нежного,
А того непутевого, грешного,
За которым мне выпало жить.

И подружка вздыхает украдкой:
– Ну, за что же мне столько проблем?
Я отвечу, хоть знаю, не сладко ей:
– Ты спроси не «за что?», а «зачем?».
Чтобы ты научилась терпению,
Чтобы ты научилась прощению,
Чтобы ты научилась любить
Не героя, отважного, нежного,
А того непутевого, грешного,
О котором ты хочешь забыть.

Век жестокий нас счастьем не жалует –
Снова бед и потерь череда.
И спросить у себя людям надо бы:
– Неужель этот путь «в никуда»?
Мы должны научиться терпению,
Мы должны научиться прощению,
Мы должны научиться любить.
И за все испытанья суровые,
Те, которые нам уготованы,
Бога искренне благо-да-рить!

Сергей Дорожковский

Счастья нет ни в будущем, ни в прошлом,
Но закаты эти у реки
Нам напоминают о хороших
Днях, что где-то очень далеки!

Где-то там, на острове высоком...
Вспомни лодку, жаркий сенокос,
Пальчик свой, порезанный осокой,
Островной цветущий медонос...

Там просторно так, что поневоле
В травах долго хочется брести.
Звон озерный дальних колоколен
Помогает радость обрести...

Лодка наша честно для начала,
С веслами – почти из янтаря! –
Ждет у самодельного причала,
И горит вечерняя заря!

Лето это в памяти осталось,
Словно четко вытканый узор –
Плеск воды, приятная усталость,
Мы с тобой над серебром озер...

Сторона моя, сторонushка заречная,
Сколько лет уже ты боль моя сердечная!
Погляжу в луга – туманы залегли
На цветы и травы матушки-земли.

Как нальется голубика синью пьяная,
Так отправлюсь на болото утром рано я.
А как солнышко засветит на бору –
Не спеша корзинку белых наберу.

В перелесках понемногу забывается
Все плохое, что по жизни приключается,
И о том же мне кричали журавли,
А мы жили-поживали, как могли...

Мне грустно – нас дожди разъединили.
Твоей улыбки больше не видеть,
И рук твоих – они как стебли лилий!
И тайну синих глаз не разгадать!

Но все же наша встреча – неизбежность,
Которой не дано предугадать...
Ты принимала и любовь и нежность,
Но не хотела ничего отдать.

Дожди, дожди, наверно, виноваты!
Когда они, холодные, прошли,
Совсем другою сделалась тогда ты,
Как будто в душу девичью дождь лил.

Дожди прошли, прогноз опровергая,
И что им чувства разные людей!
Они прошли, а ты ушла – другая,
И в этом есть вина сплошных дождей!

Не знаю, с кем ты, новый день встречая,
Спешишь сейчас в сиреновом авто...
Как здешний мир прекрасный не случаен,
Так не случайно, милая, ничто!

Я вернулся туда, где был раньше,
Где душа принимала легко
Бытие неуютное наше,
Неустроенность жизни людской!

Без надуманных слов и понятий,
Здесь по совести люди живут.
И помогут они тебе, кстати,
Если что не заладится тут!

Мне сосед ближе к вечеру скажет,
Сам ничем не болевший вовек –
Мол, железо ломается даже,
А не то что наш брат, человек!

Посидим над рекой на колоде
Под старательный звон комаров...
Пахнет мятою на огороде
И сосной от поленницы дров...

И еще из лугов чем-то тянет
Так, что в сердце рождается грусть.
И к общению тесному манит
Край с названием ласковым – Русь!

Ты в плащике веселенькой расцветки
Красивая шагала донельзя,
И на тебя, такое чудо, редкий
Мужчина не глядел во все глаза!

Ты в босоножках беленьких на шпильках,
И волосы роскошные – волной!
И алая в твоей руке гвоздика,
Подаренная кем-то, но не мной!

Но ты была прекраснее гвоздики
Ты шла легко, всю весна цвела!
Шагая прямо в солнечные блики,
Ты словно солнце за собой вела!

...И ко всему душевной оказалась –
Подробно рассказала мне, едва
Спросил я о дороге до вокзала,
Хоть помнил всю ее как дважды два.

Не надо мне дороги до вокзала.
Ты мне сама, красивая, нужна!
Я б называл тебя, чтобы ты знала –
Моя великолепная княжна!

И пусть не будет властно над тобою
Ни время, ни досужая молва.
Светись, моей обласкана любовью,
Так несказанно, женственно мила!

Земляничных полян туманы,
Тихо спящие над рекой,
Околдуют дурманом пьяным
На сторонке, родной такой!

Все здесь дорого и знакомо,
И ненужных не надо слов...
Зацвела земляника дома.
Земляника из наших снов!

И опять мы с тобою рады,
Снова лето встречая здесь,
И сосед у новой ограды,
Как отчизны благая весть!

И речушка все так же бьется
У замшелых опор моста.
Журавель стоит у колодца,
Охраняя детства места!

Возвращается лето,
После трудных разлук,
Пропадавшее где-то,
Ускользнувшее вдруг.

Это чудное лето
Что-то нам принесет.
Ведь не все еще спето
И не сказано все.

Твои стройные плечи
Тронет легкий загар.
Будут долгие встречи –
Так, как я предсказал.

Не жалей, что проходят
Наши лучшие дни.
Но зато мы сегодня
Совершенно одни...

Возвращается лето...
После трудных разлук
Греюсь ласковым светом
И теплом твоих рук...

Боль или радость пусть
Нас не оставят в этом
Мире, где жарким летом
Прячется в рощах грусть.

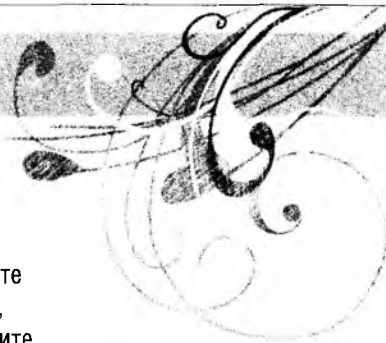
Нет ни на ком вины
В том, что с тобой расстались,
Ведь мы опять остались
Чувствам своим верны!

Светлый наступит день
В новой твоей дороге.
Места не даст тревоге
Солнце, развеет тень.

Ты побежишь, смеясь,
Летним цветущим лугом
Вместе с веселым другом,
Чувствуя с жизнью связь.

Но, возрождаясь вновь,
Не забывай о главном –
Не удержат обманом
Истинную любовь!

Александр Бубнов

Перед Любовью головы склоните
И поклонитесь низко, до земли,
Чтобы она, как солнышко в зените,
Сияла и не пачкалась в пыли.

В пыли страстей и низких побуждений,
Что неизбежны на ее пути.
Пусть на нее ничто не бросит тени,
Ничто не помешает расцвести.

Пусть Любовь очистит ваши души
И вознесет над миром суеты,
И пусть над всей землей – водой и сушей –
Воспрянут ваши светлые мечты!

Первая любовь души волшебный всплеск,
С нею мы парим под облаками.
Радость первых встреч, глаз чудесный блеск –
Это не забудется с годами.

Может, станем мы сердцем чуть черствей
В круговерти дел, забот, исканий.
Только не стереть в памяти своей
Радость первых встреч и грусть прощаний.

Зима, зима колючая
Мне сердце исколола.
И с сердца кровь кипучая
Стекает от укола.

А сердце рвется, мечется,
От холода спасается.
Никак с теплом не встретится
И кровью обливается.

Затравленное холодом,
Покрылось коркой льда,
Теперь не отогреется,
Наверно, никогда.

Осень поздняя за окном,
Бабье лето умчалось вдаль.
Плачет небо мелким дождем,
И на сердце легла печаль.

Словно я стою на меже,
И не знаю, куда шагнуть.
Кто бы мне показал уже
В серой мгле затерянный путь.

Нет, наверное, все не так,
Просто время замкнуло круг.
И промозглый осенний мрак
Разливает тоску вокруг.

Я ведь знаю, что не навек
Эта серая мгла и хмарь.
Время свой продолжает бег,
В белоснежный спешит январь.

Что ж, всему свой черед и срок,
А сегодня я погрущу.
Грусть – она ж совсем не порок,
Эту грусть я себе прощу.

И пусть время не ходит вспять,
Все вернется «на круги своя».
Вновь черемухе бушевать
По весне-красне у ручья.

Снова древний клич журавлей
Отзовется в сердце моем.
И в душе, и в небе светлей
Станет с каждым весенним днем.

Оживет наш северный край,
Заиграет красками вновь.
Все живое в цветущий рай
Поведеет за собой любовь.

Литературное объединение

«Северок»

г. Великий Устюг

Татьяна Ядрихинская

Вкусный сон

Я помогала Люське уговаривать трехгодовалую ее сестру Гальку, чтоб та не плакала:

– Ну, не реви ты, ревушка-коровушка! Хочешь, мы тебя на спине покатаем?

И посадив Гальку на закрошки, поочередно, вприпрыжку таскаем ее. Галька все равно продолжает хныкать.

– А давай мы тебя на санях или на телеге прокатим?

Галька утвердительно кивает головой.

Галькина и Люськина мать работала конюхом, поэтому возле дома всегда стояло множество телег, саней, тарантасов. Тетка Лидия, по прозвищу Тролетиha, одна воспитывала троих детей. Отца у них никогда не было. Жили они очень бедно.

...Галька все равно продолжает капризничать.

– Чего с ней? – интересуюсь я. – Может, заболела?

– Не, – мотает головой Люська. – Она есть хочет, утром мамка ее только титькой покормила, сказала: быстро приду. А чего-то задерживается.

И тут мы обе почувствовали, что от дома Ухановых, который стоял рядом с домом Тролетиhi, попахивает вкусным дымком. Над печной трубой дребезжал тонкий, прозрачный дым, труба явно была не докрыта.

– Наверное, опять суп из баранины варят, – кивнула я в сторону дома Ухановых. – Ты бы, Люська, почаще к ним ходила. Тетка Мамельфа добрая, за всегда за стол со своими ребятишками посадит или угостит чем.

– Не, не пойду, – хмуро ответила Люська. – Мамка не велит у чужих столваться.

Однако запах из трубы назойливо бередил воображение обеих.

По сравнению с другими семья Ухановых жила справно. Тетка Мамельфа была на фронте, поэтому в их доме много фотографий, где она одна или с боевыми подругами в шапке-ушанке и в шинели. Мамельфа переболела ospой и все ее красноватое лицо было покрыто ямочками. Однако ее добрые глаза, мягкий голос и улыбка, которая всегда присутствовала при разговоре, делали Мамельфу красивой и женственной. Трудилась она в колхозе. Ее муж Генаха, был, наоборот, скупой и прижимистый. Работал он в райцентре, в МТС (машинно-тракторной станции). Детей в семье тогда было только двое, поэтому одеты и обуты были лучше других в деревне.

Галька совсем разревелась.

– Ну, что с ней делать? Ума не приложу. Скорей бы уже мамка пришла! – вздохнула Люська.

– А давай принесем от Мамельфы немного супа и накормим Гальку? – предложила я.

– У них же никого дома нет, видишь, палка в скобе. Они на сенокос ушли, я видела, – запротестовала Люська.

– Тогда сходим потихоньку, чтоб никто не видел, а Мамельфа подумает, что суп выгорел, – убеждала я подружку.

– Не знаю... – ныла Люська, – если мамка узнает, прибьет, факт.

– Не узнает, – разозлилась я на трусиху-Люську. – Пошли!

Затащив зареванную Гальку в дом, мы взяли пустое блюдо, прикрыли его от чужих глаз головным платком и пошли к Ухановым.

Озираясь по сторонам, чтоб не увидела тетка Ефалия, которая жила по соседству, мы прошмыгнули к Ухановым и двором, где все было открыто для коровы, проникли в дом. Я отложила печную заслонку в сторону, взяв ухват, попыталась сдвинуть большой чугунок с места. У меня ничего не получилось.

– Тяжелый, давай вдвоем, только осторожно, чтоб не пролить.

Вдвоем мы кое-как вытащили черный чугунок на шесток. Нас опажнуло вкусным, захватывающим духом наваристого супа.

– Поддай поварешку! – скомандовала я.

Люська молча повиновалась. Я отчерпнула немного супа из чугуна, прихватив побольше картошин и чуть-чуть – мяса. Подумав, еще немного добавила жижицы в блюдо.

Люська не отрывала жадных глаз от чугуна:

– Может, побольше нальем и сами поедим?

– Нет! – замотала я головой. – Будет видно, что суп брали, а так подумают что выкипел. – Мы с тобой, Люська, за кислицей сбегаете. В низине у речки на торфянике ее страсть сколько много и вся такая сочная!

– Ладно, – нехотя согласилась Люська, торопливо отрезая от початого мягкого, укрытого полотенцем, небольшой резень хлеба.

Снова двором мы вышли на улицу и направились к дому Тролетихи. Галька, урванная, стояла у дверей.

– Не реви, дура, мы тебе ись принесли, – начала вытирать сестре слезы Люська.

Я накрошила в суп хлеба и стала кормить Гальку.

– Вкусно? – спрашивала Люська.

Галька утвердительно кивала, широко открывая рот. Бледная Люська стояла рядом и тянула испуганно, оглядываясь на дверь:

– Хоть бы мамка сейчас не зашла, а то и мне, и тебе вожжами попадет... как пить дать попадет...

– Не бойсь, – успокаивала я подругу. – А ты, Галюня, лопай скорей, еще немножко осталось.

Довольная Галька быстро уничтожила все, что ей принесли.

– Умница, – погладила я Гальку по голове, – ты сейчас посиди одна, а мы за кислицей сбегаете и тебе принесем, ты только не реви, ладно?

Галька кивнула, дожевывая кусок. Люська сунула в руки сестры куклу с нарисованным чернилами лицом, и мы быстро выбежали на улицу.

– Хорошо, что мамка не пришла, – выпалила побелевшими губами подруга, – у меня чуть душа в пятки от страха не ушла.

– У меня тоже, – выдохнула я.

Быстрая речка Прунда пела свою звенящую, неугомонную песню, несла чистые воды в Ухтумку.

– А тебе нравится наша речка? – поинтересовалась Люська.

– Конечно! Пусть неглубокая она, каменистая, но вода в ней чистая и рыбы много.

Вот и торфяник, где уже несколько деревенских мальчишек и девчонок собирали кислицу. Ее действительно было много – мы быстрехонько насобирали по увесистому охапку стеблей с сочными листьями.

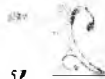
– А знаешь, Люська, чуть подальше, там, где речка небольшое ответвление делает, потом снова сходится, парни запруду из камней сделали, лишь посерединке оставили небольшой проток. Там деревенские мальчишки рыбу ловят, один стоит с ведром или решетом, проток закрывает, другие рыбу загоняют. Хоть рыба там мелкая – мальки да пескари, но все равно вкусная. Брат вчера принес, – похвасталась я. – Пойдем, посмотрим.

– Нет, домой пора, – Люська с тревогой посмотрела в сторону деревни.

– Может, мамка пришла и опять будет ругаться, что я снова Гальку одну оставила.

– Мы быстро, мне тоже надо грядку полоть! – вспомнила, наконец, я об утреннем задании матери.

Запруда была действительно сделана добросовестно. Немало тут потрудились деревенские мальчишки, таская тяжелые камни. Косяки мелкой рыбешки, сверкая на солнце, как молнии, порхали, то удаляясь от нас, то снова приближаясь. Пожалев о том, что мы не прихватили ведро для ловли мелочи, пошли в сторону деревни.

В доме Тролетики стояла полная тишина.

– Мамка, наверное, так и не приходила... – Люська укоризненно покачала головой.

Мы разом посмотрели на спящую Гальку. Та спала на соломенном матрасе, крепко прижав к себе куклу. Она не слышала жужжащих над ней мух. На щеках играл румянец. Маленький ротик был слегка приоткрыт, Галька улыбалась. Светло-русые волосы рассыпались на замызганной, выдавшей вида подушке...

– Сон хороший видит, – прошептала я.

– Вкусный! – добавила Люська.

Василий Ситников

Полутона

Седых небес полутона
Узрят зори,
И «реки, полные вина»
Уходят в море...
И скаты нашего скита
Во тьму опали,
Как побежалости цвета
При калке стали...
Полуразмытая весна
Являет счеты
В твоих тревожных полуснах,
Полузаботах...
И кружит, кружит средь планет
Твоя планета.
Но даже самый мягкий цвет
Темнее света...

Судоремонтный

Как удавка добрая свита
В костяных руках черницы-свахи...
Измельченной солью пролита
У ларька «мясоторговца» – плаха...
По кустам ворочается мрак,
Заливая сонные кварталы.
Тихий говор,
Дальний лай собак,
Да трущоб ущербные оскалы...
Я и сам не рад, что завело
В эту глушь, где дремлют мои годы.
Тает распыленное тепло
В дебрях разоренного завода.
Будто вел здесь гуннов племена
Новый, всеобъемлющий Атилла...
И кипит беспомощно волна,
Наносной порог пробить не в силах...

Что ж Вы так долго
Не пишете мне,
В чувственных поисках
Сдержанно строги.
Я к Вам приеду
По Вашей дороге,
Я к Вам приеду
По Вашей вине...
Будут цвести
Над рекою сады.
Тихо, под медленный дождик –
Взгрустнется.
Туча – минует,
И выглянет солнце
С полными ведрами
Чистой воды...
Так Вы светлы,
Как небес отражение,
Так Вы нежны,
Как земли восторжение,
Отблеск лилейный
На легкой волне...
Я к Вам приеду
По Вашей вине.

Перепутье

*Облака мои – Лебеди нежные.
И. Анненский*

Это облако грезово
Так похоже на девушку.
За ушком ярко-розовым
Рдеет родинка с денежку...
На челе – зачарованном,
На челе – запечаленном,
Будто Богом дарованы
Светлых локонов чалины.
Из родного пристанища,
В блесках мелкого крапата,
Так легко улетающей
К «лучезарному» западу...

Волчья ягода – красива,
Волчья ягода – красна,
Волчья ягода – спесива,
Чтит княжной себя – во снах.
С гору счастья напророчит
И любви – на целый век.
Но вкусив ее, по-волчьи
Вдруг завоет человек...

Премники

«А мы просо – сеяли,
Сеяли»,
Зимы-весны – сеяли,
Сеяли,
Мор по плесам – сеяли,
Сеяли...
Рассевались – с семьями,
Семьями...
Запивали – бедами,
Бедами,
Заедали – горюшком,
Горюшком.
Своих лучших – продали,
Предали.
А прибудших – с горушку,
С горушку...
Проросли все зернышки,
Зернышки.
Ай, хватили полишка,
Полишка...
Все росточки – выросли,
Выросли.
Нас разочком – вытрясли,
Вытрясли...

Мой милый лес,
Легко и тихо
Шагать меж дремлющих стволов.
Он ведал много зла и лиха,
Но верит в разум и любовь...
То «конопатит» елку дятел,
То, фыркнув, тетерев взлетит.
Извечный датель благодати,
Он знает русский аппетит...
Когда-нибудь предъявит счета
За каждый сгубленный росток.
Ведь это только нам – болото,
А речке-быстрице – исток...
Свою усугубляя «драму»,
Готов всех ласково обнять...
И перед ним, как перед храмом,
Давайте ноги вытирать...

Созвездие волка

Меняю лежанки и путаю след,
Минуя силки и капканы.
Глаза рвет знобящий, пронзительный свет,
И кровь бьет из вспоротой раны.
Еще я могу, задыхаясь, дышать,
Хоть знаю – исход мой заведом.
За мною охотник идет не спеша
По следу, по следу, по следу.
При встрече ему не придется решать,
Какую вбить пулю в двустволку.
В холодное небо метнется душа
Навстречу созвездью волка...
И ты тихо вздрогнешь, кому-то трубя
О том, как серьезно ты занят...
Когда мир посмотрит с небес на тебя
Моими земными глазами.

Галина Плетнева

Дарует жизнь Всевышний для того,
Чтобы ее наполнили Любовью.
В рассветный час по замыслу Его
Встает смиренно ангел к изголовью,
Чтоб истиною сердце озарить
И, подарив надежду и терпенье,
На добрые дела благословить,
И скорбь развеять светлым утешеньем.
Он хлеб насущный вовремя подаст
И воду, чтобы с нищим поделиться.
Он не оставит тех и не предаст,
Кто будет за грехи свои молиться,
Кто ближнего научится прощать
За оскорбления, обиды и злословье...
Дарует жизнь Всевышний нам, чтоб знать:
Весь мир и счастье держится любовью.

Мне ангел в подарок принес на рожденье
Три нежных ромашки – любимых цветка:
«Одну выбирай на свое усмотренье,
А я отдохну на диване пока».
А что они значат, я сразу узнала
(Есть жизненный опыт, мне это – не вновь) –
Я их не однажды писала, желала...
То вечные – Вера, Надежда, Любовь.
О, ангел, прости, не сочти за пророчество,
Но это все в прошлом, что будет – Бог даст,
А я выбираю себе одиночество:
Оно не слухавит, оно не предаст.

Я – трава,
Крапива я.
Невзрачная,
Некрасивая,
Для кого-то я –
Недотрога,
Встала руки в бок
На дороге.
Без ручья-реки
Не высохну,
В две сажени, ужо,
Вымахну,
А взвизжит коса –
Снова вырасту,
Соком выбрызну –
Слышно за версту.
Я – трава,
Крапива я,
Жгучая,
Незлюбивая,
Незаметная,
Придорожная,
Я – живучая,
Я – надежная.

Не глубинка здесь – глубина!
Суть земли этой – в каждой тропинке,
В отчем доме, реке и травинке,
В песнях, говоре – в них старина,
Не глубинка – Руси глубина!

Опять рябиновая осень
Колышет угол журавлей,
Летающих в солнечную просинь,
Срывая ниточки дождей.
Опять ветра пугают стужей,
Звенит сухой озябший лист...
Хмельные тучи – в зыбких лужах,
А лунный диск – суров и чист...
Опять в ночи холодной, длинной
Льет хмурый дождь, мешая грязь,
Прикрыл озябшую рябину
От ветра тополь, наклонясь.
Как хорошо, что осень снова
Вошла прохладно в жизнь мою.
Как хорошо, что можно словом
Пригреть в душе печаль свою.

Умирают русские деревни,
Тихо уходя на вечный сон,
Не моля обычай тризны древней –
Современных пышных похорон.
Умирают молча. Словно свечи,
Догорают, погружаясь в тьму.
Слепнут избы, стонут души-печи,
Задыхаясь в собственном дыму.
Умирают травы и дорожки
К сенокосным заливному лугам,
Пляски, песни, перебор гармошки,
Звон косы и запах молока...
Русь моя! В тебе еще есть силы!
Поднатужься, поднимись с колен!
Не Москвою вскормится Россия –
Хлебом возрожденных деревень!

Вороне

Что ты раскаркалась, что раскричалась?
Подруги твои улетели давно.
Может быть, хлеба тебе не досталось?
Так принесу, вот открою окно.
Да не кричи так с надрывом и болью,
Думаешь, только тоскливо тебе?
Ты хоть летаешь, ты хоть на воле...
Что же стряслось в твоей птичьей судьбе?
Ну расскажи ну, поплачь и поохай,
Крыльями хлопни и хвост распуши.
Знаю, ворона, бывает так плохо
Пламя сбивать с раскаленной души.
Что остается нам, серая, делать:
Каркать, страдать и гореть от обид.
Только бы сердце твое не черствело,
Значит, живая душа, коль болит.
Что, успокоилась? Хлебушек съела.
Можно и перья теперь причесать.
Ты прилетай на балкон и без дела,
Вдруг кто обидит – покаркать опять.

Принимайте свое одиночество
Без обиды на жизнь и судьбу,
Уважая, как имя и отчество,
Седину и морщинки на лбу.
Не всегда жизнь считайте удачей,
Неудачей, естественно, – смерть.
Значит Богом вам это назначено:
Что-то слушать, а что-то смотреть,
С кем-то жить без любви, хоть и до седин,
С кем-то вечно разлуку делить,
Кто-то счастлив в толпе,
Кто-то счастлив один,
Каждый должен свою жизнь прожить.

Здесь давно уже не пахнет
Хлебом, щами, молоком,
Здесь в задумчивости чахнет
Одинокий старый дом.
Рядом ветхая избушка:
Ветер дунет – упадет!
Словно нищая старушка
Подаянья молча ждет.
Здесь давно никто не слышит,
Как в ведро журчит вода,
Смех и игры ребятишек
У глубокого пруда.
Не взметнется пыль с дороги
Под копытами коров,
Пес не кинется под ноги
В дом идущих чужаков.
Здесь когда-то пахло Русью,
А теперь последний дом
Умирает с тихой грустью,
Прополосканный дождем.

Прокопий

*Небесному покровителю Великого Устюга
святому праведному Прокопию,
Христа ради юродивому, устюжскому чудотворцу*

Надвигается сумрак на город,
Наплывает обычный покой,
Заскрипели в избушках запоры,
А он тихо плетется, босой.
Кто-то камень швырнул в бедолагу,
Кто-то крикнул: «Да шел бы ты прочь!»
Хвост поджавшую глядя дворнягу,
Нищий молча отправился в ночь.
Вот бы подали корочку хлеба –
Размочил бы водой родника...
Все темнее угрюмое небо,
Ждет холодная ночь старика.
Вдруг услышал он стук у сараев:
Из калитки ограды худой

В рваной шали, ведром громыхая,
Вышла бабка слепая с клюкой.
– Дай ведро, я схожу до колодца,
Ведь продрогнешь, ужо, до костей.
И чего тебе на ночь нейметя,
Лучше б грелась в лачуге своей.
– Звать-то как тебя, милый?
– Прокопий.
– Ты уж строго с меня не взыщи:
Летом печку не часто мы топим,
Но сегодня есть вкусные щи.
...Поздний ужин расслабил беднягу,
Он, к собаке прижавшись спиной,
Посчитал спать на сене за благо
И с молитвой ушел на покой.
А когда утром вышла хозяйка
Пригласить к чаю нищего в дом –
Не откликнулся тот из сарайки,
Знать, убрел, если тихо кругом.
Помолилась: «Спаси его, Боже,
Отведи и печаль, и беду.
Я давно вот ослепшая тоже,
Как в потемках, наощупь бреду».
Краем фартука вытерла слезы.
В посеревших без света глазах
Луч сверкнул вдруг над тихой березой,
Ярко брызнула синь в небесах!
На крылечко, заохав, присела,
Не поверила: «Боже ты мой!
Будто чудо свершилось – прозрела!
Знать, старик этот был непростой!
Спать в избе наотрез отказался
И собаке скормил сухари...»
Он таким ей родным показался,
Что уснуть не могла до зари.
Как давно теплых слов не слыхала,
Все стараясь другим угодить.
И судьба ей святого послала,
Чтобы зрячей немного пожить,
Рассказать о Прокопии людям,
Все, что он говорил, передать:
Если мы о Добре не забудем –
В мире будет Любовь, Благодать.

Проходи, что стоишь у порога?
Дай, повешу промокший пиджак.
Оправданья к чему? Ради Бога...
Тебе плохо. Ну, разве не так?
Не налью все равно «для сугреву»,
А вот чаем с медком напою.
Из окна дождевые напевы
Льются жалобно в душу мою...
Знаю, скажешь, что вот, непутевый,
Что опять в твоей жизни разлад...
Говори, я не вымолвлю слова,
Не скажу, кто из нас виноват.
Уберу только молча посуду,
Твой остывший недопитый чай...
Заходи, коль опять будет худо.
Уже ночь. Вот пиджак.
Не серчай...

Климову Андрею

Ножи всегда на гениев точили,
И зубы скалило невежество на них,
И серости свои суды чинили:
Не смей сиять! Равняйся на других!
Льстецы по лжи экзамены сдавали,
Улыбкою бездушный глаз скривив,
Детей крестить, венчаться запрещали,
Теперь же молятся, про совесть позабыв.
Добро должно прощать. Бог всех рассудит.
Их понимать совсем и ни к чему.
А у поэта право есть – и будет –
Вершить свою судьбу и думать самому.

Юрий Опалев

Слезы на желтых апельсинах

Огромный мягкий медвежонок, сидящий на журнальном столике в кабинете директора детского дома, глядит смеющимися маслянисто-черными бусинами глаз. И кажется мне, будто всеобщий любимец усталился на меня забавно-вопросительно, из-под синтетических бровей поблескивая хитрым своим глазом.

– Вот здесь, – положив руку на стопку аккуратно подшитых папок с бумагами, – и записана черным по белому вся судьба-судьбинушка деток наших. Полистайте вот это, например, – говорит директор.

– И много у вас таких?

– Много. И все очень разные, но трагедия – одна на всех.

Разговор прерывает веселая гурьба ребятишек, остановившаяся у кабинета. Слышна сдержанная возня, оживленное перешептывание заканчивается вежливым стуком. Рыжая-прерывающая голова с кудряшками показывается в приоткрытую дверь. В больших глазах – искрящиеся веселые лучики.

– Дайте нам Мишку, пожалуйста!

Получив разрешение и не сумев спрятать забавных щербинок от выпавших молочных зубов, мальчишка радостно ухватывает синтетического медведя за ухо, и всеобщий любимец попадает в объятия смеющейся детворы.

– Вот это и есть мальчик, у которого на глазах отец убил его мать. Никитин. Ребятки зовут его здесь «Солнышком». Видите, какой он солнечный весь? Нормальный мальчишка, а вот вечером, когда надо спать, преобразается. Грустит. Чувствует ребенок страшную меру горя.

Много дней минуло с той поры, как стала мне известна эта история маленького Вовки Никитина.

До глубокого сияния отмени под низко нависающим солнцем колючие северные ветры заснеженную равнину. На невысоком холме – колония усиленного режима. Дальше дали необозримые – застывшая в дремотной тишине рать лесных великанов елей да пятаки рыжих болот, укрытые искрящимся на морозе снегом. В горький кусок жизни из десяти лет складывались здесь дни Владимира Никитина.

Я не мог бы продолжить своего рассказа о судьбе маленького Вовки, если бы не побывал здесь, в этой самой колонии, по служебным делам отправившись в далекую командировку. Едва отрыв дверцу машины, мы почувствовали мощное и ровное дыхание студеного океана. Поддерживая полу своих шинелишек, шагаем в здание. Вооруженная охрана. Проверка документов.

Решетки с автоматическим замком, снова охрана. Черный пес на длинном поводке, втягивающий воздух чутко вздрагивающим влажным носом. Тягостная картина. Картина набора суровых, но пока необходимых атрибутов жизни людей, переступивших черту закона. Закончены служебные дела. И я спрашиваю разрешения на встречу с Никитиным.

– Никитин? А, это тот, что осужден по статье 102? Знаем, знаем... – Полковник, начальник колонии, задумчиво мнет сигарету.

– Люди этой категории – особый народ, знаете ли. Этот ваш земляк переживает пору какой-то страшной душевной ломки. Ест один раз в день, молчит, а недавно видели, вжался в подушку и пролежал всю ночь неподвижно. Болеет недавно. Перевели из леса на хозобслужу, тепло там. Поговорите, может, и пойдет ему это на пользу.

– Никитин! Прибыть к дежурному! – Эхом загулял по зоне многократно усиленный в динамике голос офицера. Через несколько минут в комнату свиданий заходит человек. В резко очерченных складках лба и заострившемся подбородке нет ничего примечательного. Но вот в глазах – неприятный, пугающий матово-оловянный отсвет. Ни одной живой искры. В приступе натужного кашля долго не может назвать своего имени и фамилии.

– Никитин Владимир.

– Ну, садись, Владимир.

Ухватив шапку в сложенные руки, он садится напротив столика с лапкой ели в керамической вазе, глядит на меня с любопытством.

– Никак, земляк?

– Угадал.

– Чего же сюда-то прикатили? Здесь же край материка. На волков полярных взглянуть захотелось?

– Да не, дела. Впрочем, и тебя увидеть мысль была, – выдерживаю долгий вопросительный взгляд.

– Что, с сыном, что-нибудь? – тонкие, исколотые татуировкой пальцы его нервно дернулись.

– Сын твой в детдоме, а теща умерла от инфаркта месяца два спустя после того, что произошло в твоей семье. Поговорить мне с тобой о сыне захотелось, о том, как дальше жить будешь?

Осторожно достаю цветную фотографию мальчишки, что-то весело наигрывающего на маленьком аккордеоне

– Это он в детском доме?

– Да.

В обеих ладонях, словно боясь расплескать образ из наполнившихся влагой глаз, словно сосуд тонкий и хрупкий, поднес он к себе эту маленькую простую фотографию.

– Никого, кроме него, у меня нет.

По его лицу бродят тени коротких воспоминаний. Оживают в глазах замерзшие серые теплинки.

В два стакана высыпая пакеты растворимого кофе, заливаю бурлящим кипятком.

– Где достал-то, гражданин-начальник? – ухмыляется Никитин.

– Удалось ухватить с лотка в вагоне-ресторане.

– Да, мог бы я сейчас кофе пить, – сидя в кресле, произносит он каким-то потерянным глухим голосом, грея о стакан иззябшие пальцы, и умолкает, снова задумываясь на мгновения.

– Вот усну ночью на час-другой, и прокручивается вся моя жизнь, как на киноплёнке, а сейчас другая серия началась, – мрачно ухмыляется он.

– Ну, давай, «крути» первую свою серию!

Никитин вздыхает, ерзает на стуле, тянется за сигаретой.

– Поначалу все, как у хороших людей, было: служба в ракетном дивизионе, благодарность имел от командования, в отпуск ездил. Тогда родители еще живы были. Техникум машиностроительный закончил. Женился на Наташке. Она тогда уже год после медучилища работала. Вовка потом родился.

Обжигая пальцы, он до горечи затягивается сигаретой, низко опускает голову.

– Наладчиком был, зарабатывал много. А время, знаете, какое было? Наливай да пей. Не помню, как сын рос. Все больше с друзьями. Да какие друзья?! – Глаза его зло сузились. – Не друзья – шакалы! Водка была, то и липли. Во, видели? – он поднимает рукав телогрейки, – сине-зеленая вязь татуировки изображала змею на кинжале. – Память об ЛТП. Все кололись, и я дури набрался.

– Ну, а в ЛТП как попал?

– Знаете, что такое автомобиль без тормозов? Разгонишь – трудно потом остановиться. Так и у меня... По десять вытрезвителей за полгода. Жена отшатнулась. Орал на людях, куражился, лез в драку, «геройство» показывал. Определили сначала в наркологию, ни одного дня не ходил, смешно было. Однако пришлось отсидеть годик, «от звонка до звонка». Вышел из ЛТП, а меня жена и сын встречают. Тепло на душе стало. Какое-то время держался. – Горькая усмешка застыла на его лице. – Самое страшное то, что убил я свое счастье своими же руками. По пьянке убил!

Он рассказал мне о том, как в один из летних дней прошлого года возвращались они с сыном из садика с детского праздника домой, рассказал о тех страшных трагических часах и минутах, перевернувших всю его судьбу.

Клонился к закату летний день. Напевая про белогривые лошадки-облака, Вовка шагал вприпрыжку, держась за широкую ладонь отца одной рукой, а другой бережно прижимал к себе целлофановый кулек с конфетами и двумя огромными желтыми апельсинами – угощение на детском празднике. Пройдя по прогретым солнцем плитам улицы, они свернули в скверик, где среди моря багровых бархатцев, маргариток, узких и длинных стрел каких-то растений любил Вовка отыскивать и рассматривать зеленых кузнечиков. Но сегодня торопились домой, потому что у мамы был день рождения, и Вовке очень хотелось принести маме в подарок эти прекрасные апельсины.

Неожиданно дорогу им загородили двое парней. Из-под распахнутых ворот на них, изрыгая ядовитую зелень, глядели ужасные драконы. Парни были навеселе.

– А тебя сначала и не узнать, деловой стал! Мы вот с Сано из ЛТП вчера «откинулись».

Вовке надоело слушать долгий и громкий их разговор. Он подошел к отцу и потянул его за руку. «Сано» веером десятирублевков хлопнул Вовку по носу.

– Беги к маме и скажи, что папа пошел с нами наше возвращение из ЛПТ отмечать.

– Вот «вмажем» в кабаке и придем вместе с папкой к вам в гости! – пьяно хохотнул второй.

Закинув гитару за плечи, они втроем быстро зашагали к ресторану. Постояв секунду в раздумье, Вовка побежал за ними следом, крепко прижимая к себе пакет с желтыми апельсинами. В распахнутых окнах ресторана метались сполохи цветомузыки, а барабанщик, словно усердный ремесленник, раз за разом выбивал такую оглушительную дробь, что Вовка не решился подойти поближе. Он встал в сторонке и отыскивал отца в толпе исходящих сигаретным дымом лохматых парней, смело заголенных «девуль», в чаду пьяного возбуждения уже «прорубившихся» к дверям с табличкой «мест нет».

– Папа, папа, пошли! – изо всех сил закричал Вовка, увидев, как отец стучит в стеклянную дверь металлическим рублем, отчаянно жестикулируя и не обращая на него никакого внимания. Дверь вдруг открылась, толпа в едином дыхании подалась вперед, и его уронили. Золотистые шары апельсинов покапались кому-то под ноги... А каскады визжащей, вибрирующей музыки снова больно ударили в уши, обрушиваясь на Вовку с высоты верхних этажей.

Маховик машины пьяных развлечений набирал обороты. Давящегося следами ребенка с кулком, перепачканным в дорожной пыли, привела домой знакомая женщина.

Он уснул ближе к полуночи и не слышал, как пьяная компания, гремя уроченными ведрами, поднялась по лестнице. Пробудившись от какого-то назойливого шума, Вовка заглянул в комнату. Сквозь пелену синего табачного дыма было видно, как отец открывает вилкой новую бутылку, а ночные гости, мучаясь от пьяной икоты, с готовностью подсовывают ему чистые чашки.

– Ребенка разбудили! Вон отсюда, негодяи!

Вовка увидел, как мама, схватив бутылку, со всего размаха ударила ею о плиту. Комнату заполнил теплый тошнотворный запах.

– Ты чего, Вовок, ментов домашних развел?! – выпучив глаза, заорал «Сано» – А на ментов у нас есть вот это! – и в стол с металлическим дребезжанием вонзилось узкое жало выкидного ножа.

– Пустите, я пошла звонить!

– Ну иди, пробуй!

Ухватив рубчатую рукоятку и пьяно расставив ноги, Никитин направил блеснувшее лезвие ей навстречу. Вовка увидел, как, побледнев, с сузившимися глазами, мама шагнула вперед и, не вскрикнув, упала через мгновение на пол...

– Ты чего наделал-то, волк драный? – прошипел «Сано», быстро трезвея. – Колек, дергаем отсюда!

Ухватив за шиворот икающего «Колька», роняя торшер, он выволок его из квартиры. Прогромыхав по лестнице, они исчезли.

Эту историю и рассказал мне в комнате свиданий колонии усиленного режима Никитин, Вовкин отец.

– Одна просьба: вернетесь домой, передайте сыну одну вещь.

Порывшись в карманах, он достал самодельную авторучку с забавной большеглазой рыбкой, плавающей в какой-то маслянистой жидкости.

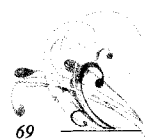
– И напишите хотя бы несколько слов, поговорите с ним, скажите, что это я для него сделал. Что он ответит? От этого жизнь моя зависит.

...Я недавно видел Вовку Никитина. Взяв в руки подарок отца, он с интересом глядел на плавающую рыбку. Потом вдруг задумался, опустил голову и, ни слова не говоря, бросил ручку в сугроб.

– Не надо, не надо мне этого! Я не люблю своего папку! – крикнул он, убегая к группе ребятшек, игравших на площадке.

Видно, не высохли еще слезы на тех желтых апельсинах. В глубоком раздумье уходил я тогда из детского дома.

Так что же ответить мне Владимиру Никитину?

Ольга Кульневская

Дом мой, крепость моя,
Ты чужой окружен суетою,
И распята душа
Этой злой и чужой суетой.
Тишине не ужиться
С бесноватым и глупым застольем,
И ботинок чужой
Топчет мой георгин золотой.
И сырой головней
Угасает в груди моей сердце,
Задыхаюсь, а небо –
Далеко, далеко, далеко!
Где просторы мои?
Где вы, свежие ветры, как в детстве?
Где нетронутый снег,
Что ложится светло и легко?
За окошком – закат
И младенческий лепет капели,
На небесном холсте –
Танец алых и синих мазков...
Что-то важное мы
Растеряли, хоть и не хотели –
И рыдает душа
Под ударами взглядов и слов...

Небо пышет облаками,
В лужах – яблоневый цвет...
Солнце звонкими лучами
Обнимает белый свет –
Крыши, улицы и скверы –
Воробьиное жилье,
И усталое без меры
Одиночество мое...

На балконе бьется белье,
Истерично хохочет ветер...
За стеной раскричались дети...
Что ж так сердце болит мое?
Что ж так сердце болит мое –
По каким неведомым далям?
Моя клетка ведь не из стали –
Нет, бесплотны прутья ее.
Где-то полдень журчит ручьем,
Утром пьют тишину купавы,
Ночью сладко трепещут травы...
Что ж так сердце болит мое?
Там душа послушна ветрам,
Что танцуют под синим небом,
Там поленицы пахнут снегом...
Но не там я, не там... Не там...

Август тронет копну ивняков,
Охрой брызнет на зрелые листья
И, вспугнув из травы мотыльков,
Подойдет ко мне псом золотистым –
Большелобым доверчивым псом,
В чьих зрачках мир – цветочная гамма,
Мир, где весел, как прежде, мой дом,
Где живые отец мой и мама...
Август, август, в твоих зеркалах
Снова жизнь моя знобко дробится,
И, будя перед стылостью страх,
Вновь зовут из-под облака птицы.
Но травы еще хватка крепка –
Не дает от земли оторваться...
Славный пес – золотые бока,
Не тревожь мое летнее царство!

Октябрьское...

Дорогим сентябрьским строчкам,
Полным золоченых слов,
Дождь небрежно ставит точки –
К продолженью не готов.
Это осени – милее
Новых песен зыбкий свет:
Дождевых косых линеек
Не жалеет осень, нет.
Скинув пышные одежды,
Грусти грань переходя,
Шепчет осень: есть надежда
В многоточиях дождя!
Время править без печали
Все, чем недовольны мы,
Начиная песнь сначала –
С чистого листа зимы.

...Достаю из чемодана
Новогодние игрушки...
Эти покупала мама –
С ними чувствую родство:
Потускневшие сосульки,
Словно древние старушки,
Раздали серебристость
Елкам детства моего.
Трону пальцем осторожно
Легких трещин паутину...
Вновь прочту в узоре сложном
Письма памяти родной.
И слезу смахну с ресницы,
И седую прядь откину...
Пусть звенит привет из детства
Рядом с новой мишурой!

Завалит листьями
Мою беду,
Остудит ветром
Горечь дней потухших...
Навстречу снегу первому
Иду –
Сквозь дождь постылый,
Серый мрак и лужи.
Оставлю в прошлом
Снов осенних грусть,
И шорох листьев,
И свой вздох печальный.
И, сделав шаг последний,
Оглянусь –
Себе вчерашней улыбнусь
Прощально.
А снег так чист!
Так целомудрен снег!
Он пахнет детства счастьем
Безмятежным,
И на снегу –
Мой самый первый след,
И впереди –
Прекрасный свет надежды.

Ель – зеленая колоколенка
Зацепила маковкой облако...
Слышу в лепете речки: «Оленька...» –
Словно кто-то любящий около.
Трав возносится песнопение
К небесам, окрыленным птицами:
Слышу таволгу белопенную,
Зверобой и кипрей с душицею...
На колени упасть готова я,
Слиться с этой молитвой светлою –
Золотою, алой, лиловою –
Самой искренней и заветною!

Печь не топится
Никак –
Лишь дым да копоть,
За дровами, зная,
В потемках
Надо топять.
Во дворе мороз
Кудесит-куролесит,
Белый иней
По заборам темным
Весит.
Я поленом о полено
Стукну звонко
И прижму к груди
Полено,
Как ребенка.
Снег осыплется
С сосны
Заиндевелой
Мне на плечи...
Ну, кому какое дело?
Что погасло пламя
В печке
Безвозвратно –
Не вернуть
Тепло сердечное
Обратно...
И баюкаю полено
Со слезами...
Звездный свет дрожит
Неверно
Над снегами...

У картины художника
А. Борисова

В музее тихо.
Молча я стою.
А с полотна
Морозный Север дышит...
Я скрежет ледяных торосов
Слышу –
Восторг и страх
Он в душу льет мою.
...И мерзнет кисть,
И с красками беда,
И в ледяных объятьях
Стынет тело...
Что сил дает
Творить в пустыне белой?
Что гонит вновь и вновь
Его сюда?
– Она прекрасна, ледяная тишь, –
Он сердцем понял,
В Арктику влюбленный.
И пусть глядят на это
Потрясенно
Нью-Йорк и Лондон,
Вена и Париж!
А сил – безмерно!
Черпай их из вод
Ручьев и речек красноборских
Звонких,
Их песнь чудесна,
Словно смех ребенка –
Земля родная силы им
Дает.

Андрей Климов

Осокоря

За окошком ночь и вьюга.
Но там ночь ли, брат:
Может там, обняв друг друга,
Тополя стоят.
Между ними нет просвета.
Да какой просвет!
Их пути блуждали где-то
Два десятка лет.
Повидали смех и горе –
И вот вновь сошлись...
Да, забавная, не спорю,
Эта штука – жизнь.
Мы живем с тобой, о боже,
Почти рядом, но
Долго встретиться не можем –
Все забот полно.
Все дела, дела, работа.
Но сведет нас год,
Тот, в котором, верно, что-то
Вдруг произойдет...
За окошком ночь и вьюга.
Но там ночь ли, брат:
Может там, обняв друг друга,
Тополя стоят?

Четыреста глаз

Куст крапивы прижался к ограде,
Куст крапивы – источник угроз.
Словно там притаились в засаде
Двести злых, нелетающих ос.
Подойдешь – непременно ужалят,
Подойдешь – будешь солнцу не рад.
Мне с рождения крыльев не дали.
А мой край на крапиву богат.

И она есть не только за кручей
В стороне от разбитых дорог.
Ее нет разве в доме скрипучем,
В том, где бабка готовит пирог.
Но мне все интересно на свете.
Край мне мил без чудес и прикрас.
Я приветствую северный ветер!
Я люблю все четыреста глаз!
Я люблю... и, поверьте, не надо
Мне такого же чувства в ответ.
Подойду утром тихо к ограде
И скажу той крапиве: «Привет!»
И пусть сразу же куча вопросов
Тут возникнет к врачу моему:
Вытру руки и спрятанным осам
Крючковатые лапки пожму...

Велосипед

Мой двухколесный
Старенький Пегас
Везде пройдет –
Я уверяю вас.
А если, например,
Завал в лесу?
Через завал
Его перенесу.
Не все сидеть мне
Увальнем на нем...
А если пруд?
Мы пруд переплывем –
Пусть не на яхте броской –
На плоту...
Мы любим жизнь!
А в жизни – доброту.
Вот скоро в путь
Отправимся опять.
...Иду в сарай –
Подковы подкачать...

Лестница

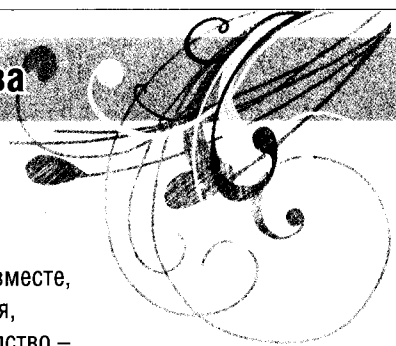
Мне ничего давно уже не снится.
Не снится мать, отец. Не снится Русь.
Вот и сейчас,
Едва сомкну ресницы,
Я словно в мир подземный
Провалюсь.
В котором – никого, в котором – пусто,
В котором – грязь, зловоние и смрад.
И будет разрывать мне сердце
Чувство:
Мол, все, хана,
Здесь нет пути назад.
Но только поутихнет боль живая,
Услышу стук... Услышу шум берез.
И скрип шагов того,
Кто надрываясь,
Минутой раньше
Лестницу принес...
Мне ничего давно уже не снится.
Не снится мать, отец. Не снится друг.
Но перед тем,
Как вновь сомкнуть ресницы,
Не помолюсь! –
Но в угол посмотрю...

У костра

Закрякала утка, увидев костер,
Крыло напрягла для полета.
Я очень люблю свой суровый простор –
Какая здесь к черту охота!
Я очень люблю одинокую тишь –
К чему оружейные ссоры.
А ты, если вечером вдаль полетишь,
Прошу, не лети через горы...
Лети через речку, лети через лес.
Пусть ахают наши старушки,
Когда твоя тень, словно маленький крест,
Заденет кресты на церквушке.
Пусть грустно у сосен коровы мычат –
Их ждет скоро тесный коровник.
Ты брось на них с неба приветливый взгляд,
Сердца их любовью наполни.
И дальше лети... Там, у теплых озер,
Дай Бог тебе доли хорошей!
А я покурю... и в певучий костер
Еще пару веток подброшу...

Тайлера Бологова

Свела судьба

Мы у костра не грелись вместе,
И жизнь – у каждого своя,
Одно лишь общее наследство –
Наш лес, деревня и поля.
И все ж судьба свела нас ближе,
Хоть ты загадка для меня.
...Огонь дрова в печурке лижет –
Как славно греться у огня,
Твои глаза так близко видеть
(Быть может, что-то разгляжу?)...
И если есть меж нами нити –
Я их покрепче завяжу!

Июльская ночь

Ночь пришла на мягких лапах
И накрыла все собой...
А кругом – волшебный запах:
Пахнет медом и травой.
Все покоем сладким дышит,
Спят деревья и кусты,
В тишине темнеют крыши,
Словно серые холсты.
А луна, ночной художник,
По-над крышами плывет,
Бледной кистью осторожной
На холсты мазки кладет.
Чудесам я этим рада –
Пусть подольше длится ночь!
Ведь когда в душе отрада –
Боль и грусть уходят прочь.

Пожар

Окунувшись в мир зеленый,
Я по улице иду.
Что-то шумно шепчут клены,
Словно маются в бреду.
Они видели, конечно,
Как напротив дом пылал,
После, разом постаревший,
Тихо стоя умирал.
Крыша черная осела,
Из окна бревно торчит...
Словно дом, осиротело,
В мир о помощи кричит.
А давно ли к окнам дома
Привлекали взгляд цветы,
Негой вяло знакомой
Среди этой красоты...
И вот рухнуло все разом,
Потеряли люди кров.
Как смирится с этим разум?
Как вернуть утраты вновь?
Нет стихии злей, опасней,
Чем бушующий огонь,
Очень быстрый, очень властный,
Отступать не любит он.
Жаль, что снова город слышит
Вой сирены тут и там,
И опять тревожно дышит,
Огневых пугаясь ран.

Река

Река была беременна,
Дышала тяжело,
Но время это временно –
С натугой лед пошел.
И вот она, вся чистая,
Волнует глубиной.
Играет солнце искрами
На глади голубой.

За душу зря твою боролась –
Ей ни к чему мое тепло.
Видать, она – как мертвый колос,
Который снегом занесло.

Как вынуть мне память из сердца,
Если болит и болит?
Как будто в открытую дверцу
Ветром холодным сквозит...

Бессонница

Лабиринт ночей так долог,
Когда сна в помине нет.
Все укутав в душный полог,
Медлит ночь впускать рассвет.
И безрадостные мысли,
Словно туча мошкары,
Над душой моею виснут
Вплоть до утренней поры.
Но потом в часы дневные
Я проваливаюсь в сон...
Сколько ж дней моих отныне
Украдет из жизни он?

Вера Багрецова

Сыну

Давным-давно не вижу зимних звезд...
В мирах дождя – лишь тень демисезонья,
Когда воды безумное раздолье
Все видимое трогает до слез.
Как мачеха, чужой – мой новый век,
Теперь и старый кажется роднее.
Всяк Божий раб и Божий человек
К спасению родной души радуется.
А за окном, как горы, – тополя,
И улица – широкая, как бездна...
Молюсь пред Богородицею небесной
Молитвой материнской за тебя!

Близорукий мир

Зрение минус и минус кровь,
Все отрицает моя анатомия.
Резусы жизни: резус – любовь,
Резус – душа, в мире все – дисгармония.
Минусы в жизни, как пресс по всему:
Радости – минус и минус печали.
Не надо доказывать никому,
Что это простая случайность.
Может ли просто ответить наука,
Иль в этом другое значение?
...Знаю, что снятся всем близоруким
Сны отрицательные без исключения.

Где ты, Русь, – великая держава?
Только тени верстовых столбов...
Знаю: ты одна имела право
На юродивых и дураков.
А еще – на странников и нищих,
На сирот, убогих и калек...
Разве ж может быть у Бога лишним
Русский православный человек?

За светлую матушку-Русь
Душой православной болею.
За память фамильную бьюсь.
За русских молюсь и радею.
Нет зодчих, князей и купцов –
Растоптана русская вера.
Хранителям прошлых веков,
Россия, плати полной мерой.
Крестьянка, дворянка, раба...
Известные твои ипостаси.
И женская доля-судьба
России – навеки несчастна!
Где дети, где внуки твои,
Где русские царские троны?
Лежат на погостах войны
Твои Ивановы-Петровы...
Так где ты теперь, русский рай,
В чьем доме тальянка сыграет?
Все ближе отчаянья край –
Мой русский народ вымирает.

Всем сказанным безмерно дорожу!
И от вопросов глупых ухожу.
О чем пишу – я не перевожу
Поэзию с поэзии и прозу с прозы...
Лишь откровениями дорожу!
Они даются мне не за грехи,
Ведь только Бог диктует мне стихи,
И знаю: только Богу я служу!

Кто мне делал горя-боли,
Тот уж умер или болен...
Я же плачу и жалею –
Прав судить я не имею!
Бог рассудит и накажет...
Только я молюсь о каждом.

Поэтам

Праведники свободные,
Божьи пророки России –
Поэты, при жизни – юродивые,
После смерти – святые!
Души терзали на родине –
Зрячие меж слепыми –
Поэты, при жизни – юродивые,
После смерти – святые!
Силы духовные роздали,
Истины зная земные...
Поэты при жизни – юродивые,
После смерти – святые!

Храните русских!

Наши пяди некому распахивать –
Родины все меньше на земле...
Русскими воюем и расплачиваемся
В каждой совершившейся войне.
Наши предки в землях упокоены,
По Европе без креста лежат.
Знаю я: на вологодской родине
Души их просторы сторожат.
Знаю я, что мерой неоплаченной
Русским внукам все пришлось познать.
Знаю я, что синеглазых мальчиков
Снова будут где-то убивать...

Уже апрель! Бежать – бежать с весной
По облакам, по радуге, по полю...
Дышать и видеть глубоко и полно,
И жить весной – загадочной, лесной!
Уже апрель! Победный марш дождей!
А значит, вновь на каждом перекрестке
Весенних звуков слышать отголоски
И вместе с ними властвовать и петь...
Уже апрель!

Мне гроза нипочем!
Чуть сутулюсь плечом:
Я совсем не при чем,
Если дождь увлечен!
Красных туфелек бег,
Царство луж позади...
Это солнечный дождь
Танцевать пригласил.
Мир небесный с земным
Воедино слились!
Новым светом весны
Наполняется жизнь!
Окружают меня
Ритмы теплого дня,
Золотого огня,
Молодого дождя!
Все сияет кругом
И летит кверху дном...
Где мой сад, где мой дом?
Я и дождь – мы вдвоем!

В ночном поезде

У ночи шаль темным-темна,
Вся в звездных блестках...
Цыганка-ночь, ну погадай,
Скажи, что ждет нас?
Брюнетка-ночь еще юна –
В ней мир бессонниц!
Блестит в агатовых глазах
Ночное солнце!
Ты просишь светлый перстенок,
На серьги – денег!
Не ждет тебя твой паренек –
Один уедет.
Ты веришь розовым мечтам,
Своим победам...
...Там, где на юг вагоны мчат,
С другой он едет...
Уже апрель! Смятенны наши души,
И в наши судьбы прочно вплетены
Былые весны и былые сны.
И этой связи, знаю, не разрушить!

Николай Алешинцев

Качели

Рассказ

Летний вечер. Над речкой, едва прикрытой шелковой поволокой тумана, негромко рассказывает гармошка о печалях неразделенной любви. Взвизгивают вязыками могучие деревянные качели. Страшно садиться на закрепленную веревками доску, но так хочется взлететь над землей и, подобно птице, приблизиться к кудрявым, таинственным облакам. С шутками раскачивают бадогами парни смельчаков, и те уносятся ввысь, да так, что даже у стоящих на земле захолонет от испуга сердце. Девки зажмурятся и визжат то ли от восторга, то ли от страха. Парни просят наподдать, но куда уж выше. Не дай Бог, что-то сорвется – улетишь в пропасть на холодные речные камни. Подумать страшно.

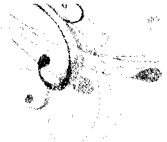
Но вот и остановились качели.

Сойдет смельчак на землю и с ликованием в сердце будет рассказывать, как удивительны и красивы с высоты знакомые поля и леса. И ей-богу, там наверху вечерние звезды ярче. Радостно чистой мальчишеской душе. Да и как не радоваться – целая жизнь впереди.

Неохота покидать угор, но пора. Завтра сенокос. Нельзя, не спавши-то на работе. Разморит на жаре. А мужик на зароде, как сыч: сено складывает, а все вокруг видит; огреет матюком, да и навильник сена, комом поданный, назад сбросит.

Расходится молодежь. Первыми покидают угор парочки. А затем тают в летних синих сумерках напористо щебечущие стайки парней и девчат. Жалостно скрипнув, словно прощаясь, остановятся качели. Все кончается в этом мире. По-разному, но кончается. Только об этом ли думать, если тебе семнадцать лет, белая рубашка и именно с тобой идет самая красивая девушка на свете!

Огромный, одетый не по погоде в поношенное демисезонное пальто и обутый в выдавшие виды, стоптанные керзачи мужик сидел на скамейке возле совхозной деревянной конторы и кого-то ждал. Страшный шрам, разорвавший правую бровь, над голубыми, как апрельское небо, глазами и окладистая седящая борода делали лицо незнакомца свирепым настолько, что идущий рядом с молодой мамой ребенок, увидев его, заплакал и сунулся в спасительную юбку. Женщина подхватила малыша на руки и ускорила шаг. Мужик опустил голову на большие жилистые ладони, и выбежавшим из конторы бухгалтерам показалось, что он спит.

Ну, спит и спит. У каждой из них скота полон двор. А обед всего-то час! Потому «усвистали», не останавливаясь. И только одна, попозже других вышедшая женщина наклонилась перед приезжим и окликнула:

– Эй! Спишь, что ли? Невесту проспишь. К директору никак? А у него сегодня начальство. Долго учить будут, как в дожди сено заготавливать. Откуда прибыл-то?

Приезжий поднял голову. Перед ним стояла женщина в беленьком простеньком платочке, из-под которого выбивалась непослушная прядь русых волос. Чешские сапоги-чулки, коричневая кримпленовая юбка и легкая светлая куртка – все, как у всех. Только пронзительный взгляд карих глаз требовал честного ответа.

– А не страшно будет? – все-таки хотел отмахнуться приезжий.

– Пуганные мы здесь. Говори уж. Ты ведь к нам на работу?

– С севера я. По освобождению. Пятнадцать лет от звонка до звонка. Справка есть.

Отчего, без особой на то причины, он разоткровенничался с деревенской незнакомой женщиной, Степан так и не мог понять.

– Значит, с севера. К нам с юга не приезжают. Голодный, поди? Пойдем, хоть покормлю.

Отметила, как при последнем ее слове взметнулся кадык на жилистой шее мужика. Развернулась и пошла по растерзанной тракторами улице. Оглянулась и, убедившись, что приезжий идет, показала рукой на устало шагающего высокого черноволосого мужчину и, как давно знакомому, объяснила:

– Вон и муж мой на обед идет. Еще в пять утра по лугам уехал. Небось, «набило ляху-то» в седле с непривычки. Погода – чистый сеногой, через день дожди. Дороги развезло. Только на лошади и проедешь. Звать-то как?

– Степан, – ответил приезжий, перепрыгивая тракторную колею.

– Меня Анной звать. Мужа Константином.

К дому подошли втроем. Константин первым протянул руку. Уже в доме, собирая на стол, Анна рассказывала мужу, почему позвала Степана обедать.

– Вижу, мужик незнакомый сидит, неухоженный. Поняла, что «бич». Пспросила. Чую, есть в нем что-то особенное. Сколько этой братии через нас прошло! У всех одна песня: сиротское детство, худая компания... шесть рублей вытащил у кого-то в автобусе, поймали, суд несправедный... все сволочи... ну, и загремел... А этот мудрить не стал. Пятнадцать лет, говорит. Освободился. Справка есть. И в голосе, Костя, блатной бравады нет. Поверила. Наверняка, думаю, голодный. Резнуло что-то в сердце; вдруг наш Валерка тоже вот так бедствует...

И обратилась к Степану:

– Сын у нас непутевый какой-то. Все странствует. Ищет какую-то необыкновенную жизнь. Едва свою не потерял; год назад подрезали в поезде. Незнакомые люди спасли. На первой же станции вызвали «скорую». Вместе с ним в больницу поехали, настояли на операции, кровь свою отдали – врач, его оперировавший, рассказал. Парочка, крик, молодые совсем, а настырные. Вот и суди о людях по возрасту. Как, Костя, город-то зовут, куда я к Валерке ездила? Да-да, Барнаул. С тех пор мимо чужой беды пройти стыжусь. Нехорошо бы от тех ребят было. Добро ведь тоже людей связывает, правда?

Анна замолчала, словно ожидая ответа. Мужики увидели, как хочется ей, чтобы слова ее подтвердились. И ответили враз:

– Конечно, связывает.

Анна улыбнулась и ушла на кухню.

Выпили по рюмке водки, пообедали и вышли на веранду покурить. Константин, подавая Степану пачку сигарет, спросил:

– Анна сказала, что у тебя за спиной пятнадцать лет зоны? Столько за убийство дают.

– Так за убийство и дали, – ответил Степан торопливо, словно боясь, что Константин его опередит.

– Ну, тогда уж рассказывай все без утайки. Ты ведь к нам на работу хочешь устроиться? А я, понимаешь, здесь секретарем парткома. И уж как-то так повелось, что за кадры партком отвечает. Потому давай, как на духу. Наш участковый за двадцать верст живет и приезжает чаще всего уже к готовому трупу. С живыми мы с директором воюем. Свои мужики с полочки только смелые. Погеройствуют вечер, а утром, чуть свет, уж под окном стоят: «Извините, мол, нас дураков». Нет, не бояться. Чего бояться-то: дальше этого не сошлют. С «гастролерами» сложнее. Недавно один «артист» магазин ограбил. Записочку написал: «Директор не дал пять рублей авансу. Ограблю магазин». И ограбил. Ловили потом всем миром. Поймали уж в другой области. Бывало трактор да машины угоняли. Так что лучше бы ты все рассказал.

– Да мне и таить нечего. Главное уже знаете. Родился под Ярославлем. Там же кончил десятилетку. Женился. Мамка невесту из заречной деревни подобрала. После свадьбы привел жену к матери в дом, говорю: «Мама, тебе хотелось, чтобы я на Гале женился. Я и женился. Вот она. Живите сейчас вместе, а я в Ленинград, в военное училище поеду поступать». Утром и уехал. Плакали бабы. Горько плакали. Потом, когда шальной кобылой жизнь задом норвила повернуться, вспоминал я эти слезы. А тогда... Молодой был, здоровый. Ветер

свободы и приключений ноздрями чувствовал. Что мне бабьи слезы? «Молодость дана, чтоб не теряться, старость – об упущенном жалеть». Не терялся. Но училище закончил. Служил взводным в Таджикистане. Хотел в академию поступать, да направили в Афганистан. Всего насмотрелся от вершин Гиндукуша до высокогорий над Гульханской щедрой долиной, где в тяжелом даже по афганским меркам бою спас от гибели генерала и получил афганскую же пулю в ногу. Правда и боевой орден тоже получил, а генерал подарил мне свой именной «ТТ». Забыли мы тогда на радостях, что ножи и оружие не принято дарить. Берег я тот «ТТ» и хоть с трудом, но провез его, когда в группу наших войск в Германии был переведен. Это уже после окончания Рязанской академии в восемьдесят шестом году направили в Фюрстенберг командиром десантного штурмового батальона. Самым молодым в войсках оказался. Стремительно взлетала качель моей жизни. Высоко. Голова, видимо, закружилась. Многих друзей потерял через это. Армейская служба не тяготила. Я солдат любил, они чувствовали и никогда не подводили. Фюрстенберг – страшное место. Женский концлагерь во время войны. Газовые камеры. Крематорий. Говорили, что озеро, находящееся рядом, иногда покрывало слоем крематорного пепла. Девяносто три тысячи сожгли. Женщин! У нормального человека волосы дыбом встают. Когда я приехал, лагерная, красного кирпича стена да скорбные памятники мученицам напоминали о недавнем варварстве. А так городок типично немецкий, аккуратные двухэтажные домики. Андулином крытые. Все ухожено. В озере всякой водоплавающей птицы летом и зимой кишит. Весной от цветущих фруктовых деревьев голова кружится. Но что-то часто стал о матери и Гале вспоминать. И на свой отъезд в молодости уже по-другому смотрел. Письма написал, прощения просил. Все бы хорошо, а на душе мурорно. Выпивать чаще стал. И хоть там строго, но я с женщинами умудрялся встречаться. На офицерской вечеринке по случаю Первого мая подошел ко мне комдив и говорит: «Хороший ты, Степа, мужик, но побереги себя. Рюмашки да бабьи ляжки до добра не доведут».

Как в воду смотрел. Девятого мая недалеко от наших казарм встретил я милovidную, аккуратную немочку. Вылитая Ирина Алферова. Рядом поставь, не отличишь. Главное, глаза, как живые звезды. Такими глазами мертвого поднять можно. Но и убить за них, как потом оказалось, тоже. А тогда... поблагодарил я мысленно школьную учительницу за то, что после уроков меня оставляла, но добилась, что немецкий стал я не хуже ее понимать и разговаривать сносно. Рванул на приступ. Мол, отцы наши Германию победили, так неужели я с одной немкой не справлюсь? Словом, познакомился я с Эльзой, и хоть была она замужем, такая любовь вспикела, что не было минуты, когда б мы друг

о друге не думали и не стремились к встрече. Со мной все ясно. Я и раньше при этом деле на ходу подметки рвал. Но и она, смотрю, головушку потеряла. Словно заколдовали нас. В снах друг к другу приходили. Только не всегда те сны радостными были. А однажды вообще страшное привиделось: будто мы с Эльзой в России. Раскачались на деревянной качели, стоящей у самого речного обрыва. И вдруг срываются ее руки с гладких жердей, и падает она, а я и помочь ничем не могу. Только бы в воду, думаю, а не на камни упала. И сам вслед за ней прыгнул. Упали мы в воду. Она ко мне руки тянет, а я от нее ухожу. Будто и не она это. Проснулся весь в холодном поту. Кое-как до восьми часов дождался, позвонил ей.

Сказала, что все «кашашо», а голос грустный-грустный. Оказывается, кто-то из дружков ее мужа намекнул, чтобы тот за женой присматривал. Мол, такая красота и не хочешь, да с ума сведет. А муж ревнивым оказался, и зацепило его. Хватанул в гаштете русскую дозу шнапса и давай дома разборки устраивать. Ушла она к подруге ночевать. С тех пор подозрительным стал. Звонил часто, а то возвращался раньше времени.

Я, когда узнал об этом, едва новую войну не открыл. Эльза не разрешила. Но совсем хреново стало. Я ведь уж без нее и жить-то не мог. У нас от всех болезней одно лекарство. Выпью, на какое-то время полегчает, а потом совсем неспособен становиться. Увижу ее – и радость из меня, как ключ серебряный, целебный бьет. Стремлюсь для всех доброе делать. Чтoб не только я, но и все вокруг счастливее стали. В казарму приду – солдат целовать хочется. Смеялись надо мной черти. В гарнизоне трудно чего-либо утаить. Но друзей у меня все еще больше, чем врагов, было.

Однажды вечером приходят в квартиру трое. Два офицера, товарищи по службе, и незнакомый пожилой прапор. А я тоску шнапсом заливаю. Шутка ли, три дня с Эльзой не виделась. Понимал ведь я тогда, что ничего хорошего из нашей любви получиться не может. Слышал, как пойманным воробушком бьется в женской груди маленькое сердечко. Знал, что при моих обстоятельствах вряд ли смогу его защитить. Понимала и она, что обречена на осуждение, на грязные слова и издевательства. Плакала. Но положила на вторую чашу весов свою любовь, и перевесила та чаша страх греха и геенну осуждения. Вот и суди тут.

Друзья говорят: «Лекаря тебе привели. Восточную медицину знает. Должен помочь». Послал бы их, да старика постеснялся. А тот сел рядом со мной на кровать и так пристально взглянул, что мне неловко стало. Как будто насквозь его взгляд меня прошел. Одному из друзей моих скомандовал, чтобы блюдце чайное на стол поставил. Подсели мы с прапорщиком к столу. Старик говорит: «Смотри на блюдце внимательно». Смотрю и вроде бы трезвею, а

на блюдце сначала капельки появились, а потом и струйки на донышко того блюдца с кромок побежали. Протрезвел я совсем, когда блюдечко наполовину наполнилось прозрачной водичкой.

– Слезы это твои, мужик. Крутенько с тобой обошлись. Ты с этой немочкой красное вино из початой бутылки, случайно, не пил? – спрашивает.

– А я помню? Пил, наверное. У немцев – не у нас: бутылку до дна редко допивают. Неделями другой раз к одной прикладываются.

– Отравила она тебя. Красками опоила. Ишь ты, немка, а женское славянское зелье знает.

Я глаза тарашу. Не верю, конечно. Старичок затылок чешет.

– Худо, – говорит, – сегодня мне не помочь. Тут траву нашу рассейскую надо. Есть у меня немного сушеной. Терпи. Завтра вечером принесу. Только, ради бога, не пей. И к ней не ходи. Нехорошо у меня на душе.

А я возьми и спроси:

– Прапорщик, объясни ты мне, отчего такая напасть именно со мной-то случилась? Я ведь впрямь жить без нее не могу. И больно, словно танком меня утюжат. Раньше такого не бывало?

– Это не мука, а вперед наука. Нельзя в жизни себя вечным полковником мнить. Отчего у тебя болезнь, я сказал. А вот почему именно тебя корежит, попытайся понять. Хочешь, притчу расскажу? Лежало полено в поленнице, лежало, полеживало. Но однажды показалось ему, что тесновато. Давят отовсюду, распрямиться не дают. И стало оно наверх выбираться. Сотоварищей своих распахало. Те попищали малость, да успокоились. Выбралось полешко и от свободы обалдело. Над другими посмеивается: «Вы тут бока пролеживаете, а ведь есть другая свободная жизнь. Гуляй, не хочу». Вот... Ты бы какое полено в первую очередь из поленницы взял? Правильно, верхнее. Утром пришел хозяин и, конечно же, в первую очередь взял то полено, которое другими не придавлено. Унес, сложил в печку и поджег. Лежит полено и горько думает: «Осторожней надо было со свободой-то. Кто знал, что плата за нее столь высока. Сгорю вот сейчас». Подумай над притчей. А сегодня, чтоб никуда! Понял?! Чую, смертное дело получить может. А похороны, друг мой, столь тоскливое дело, что даже на своих я бы предпочитал отсутствовать как можно дольше.

Только ушли, Эльза звонит: «Приходи. Мужа не будет два дня». И «пропал казак». Все медицина восточная по боку. Хватанул я остававшуюся рюмку, пистолет в грудной карман сунул и вперед...

– Подожди, – перебил гостя Константин, – позвоню. Узнаю, где директор. Он ушел в переднюю комнату и вернулся минуты через две:

– Не будет сегодня директора. Уехал по бригадам на катере. Это, всего скорей, до утра. Пошли в дом. Анна сейчас уйдет, там и поговорим.

– Да нет, нехорошо как-то. Пойду я. Спасибо. Честно говоря, трое суток не ел. То и быстро развезло от водки. Разоткровенничался.

– Ну и правильно. Перед партией, которую я тут представляю, и надо, как на исповеди. – Константин явно язвил в свой адрес, и это Степану было по душе: не зазнаистый и не трус этот парторг, другой бы и слушать не стал, не то, что кормить незнакомого человека... Уходить не хотелось. Да и куда уходить?

И вдруг Степан со всей отчетливостью понял, что в этой жизни у него никого нет. Телеграмму от Гали о смерти матери получил еще в следственном изоляторе. Позже, но еще в Германии, получил и подробное Галино письмо. Она писала, как ждала его мать. Как, уже прикованная болезнью к кровати, посылала ее встречать Степку, едва чья-то тень мелькнет за окном. Написала Галя и о том, что живет не одна. Нить, связывающая его с прошлым, оборвалась. И от этого было больно. Особенно сейчас, когда открылась перед ним простая и понятная чужая жизнь.

Степан взглянул в открытое окно, в бездонное голубое небо, на синеющий до далекого горизонта лес, и ему вдруг стало страшно от чувства собственной ненужности во всем этом великолепном, огромном мире.

Парторг понял его состояние.

– Давай плеснем на каменку. О работе не сомневайся, решим. Поживешь пока в общаге с шефами, а там видно будет. С пастухами у нас беда. Хоть сам другой раз иди. Пойдешь пастухом? Там заработок повыше.

– Пойду. Деньги для меня не последнее дело. Слушай, я все тебя по имени да по имени. А по отчеству как величать? – спросил Степан, отодвинув выпитую рюмку.

– Сергеевич, – отозвалась вместо мужа собирающаяся уходить Анна

Через минуту ее, белый горошком, платочек уже мелькал на деревянной улице.

– Боевая она у меня и на людей шибко чувствительная. Друг у меня был. Со школьной скамьи вместе. Жили душа в душу. А она мне твердит: осторожней с ним Костя, подведет. И что ты думаешь? Как в иглу вдела. Когда узнали про Валеркину беду, Анна сразу решила ехать. И надо же такому случиться, что денег нет. Хоть шаром покати. Валерке же и отдали, когда поехал. Я к директору, в кассу, в магазин. Нет ни у кого. Сумма-то нужна порядочная. Пошел к другу; он только что хвастался, что заезжим москвичам на тысячу рублей меду продал. А он и заюлил. На машину, мол, коплю. На книжке уже. Снимать, да снова потом ложить. Проценты потеряю. Я все понял. «Все други, все товарищи до

черного лишь дня». Плюнул. Выматерился и позвонил знакомому в Лузу. Не надеялся. Знакомство-то было шапошное. У него машина в дороге забуксовала. Мы сзади ехали и, конечно, помогли. Есть же такие мужики! Говорит, вот тебе мой адрес и телефон и, если прижмет, найди меня. Пол-царства не обещаю, потому, как у самого нет, но выручу обязательно. Назавтра я получил деньги. Ни расписки взамен, ни какой другой бумажки не попросил тот лузяк. Но и я в школе хорошо учился и намертво запомнил аксиому: «Через две точки можно провести прямую и притом только одну». В переводе на нынешний язык это означает, что крутиться-вертеться можно по-всякому, а если жить надеешься, то живи по совести. Как появились деньги, увез долг в Лузу. Как видишь, Анна у меня надежней рентгена. А с отчеством не напрягайся. Поймешь, что того стою, тогда на здоровье. Хоть Вашим Величеством. А пока не надо. А то и мне придется тебя подполковником звать. Продолжайте рассказ, товарищ подполковник...

Степану после очередной рюмки водки вдруг захотелось выговориться, и он, вспомнив, на чем остановился, продолжил.

– Пришел я к Эльзе, а на ней «лица нет». Обратного меня гонит. Плачет, немецкие слова с русскими путает, дрожит вся:

– Он убьет тебя, убьет! Он никуда не уехал и сейчас будет здесь. Подруга прибежала. Он там у них в доме. За нашим подъездом следит. Уходи! Уходи немедленно!

Но тут уж мне – вождя под хвост! Нет, думаю, не знаю, как у вас в Германии, а у нас в деревне так не пляшут. Бабами от беды не прикрываются. Сладкое вместе, а горечь ей? Не пойдет! Я русский офицер! От поноса не умру. От пули? Ну это, как мама раньше говаривала: другой коленкор. А Эльзе говорю: «Если и уходить, то вместе».

Прислонилась ко мне головой, затихла, а шепотом одно твердит: «Нет, нет. Не пойду. Убьют тебя».

Дверь резко распахнулась... Смотрю на поднимающуюся руку немецкого офицера, а в голову чушь какая-то лезет: какие они все аккуратные. Все у них блестит. Вот и «Вальтер» в руке тоже блестит. Да это же смерть моя зубы скалит! Что ж он медлит? Не ожидал увидеть русского? Или считает, что ему будет за мои похороны? Они все просчитывают. Только сегодня не надо этого делать! Втолкнул я Эльзу в комнату и при обратном развороте выстрелил. Он тоже.

Потом меня не было.

Пуля скользнула по черепу. Рассекла бровь. Оглушила.

Когда очнулся, в квартире уже шерстили офицеры следственного отдела. Наши и немецкие. Муж Эльзы погиб сразу. Его увезли. Ее я тоже больше не видел. Следствие вели пятнадцать дней. Трибунал заседал пятнадцать минут. Вердикт: пятнадцать лет. Само собой лишение звания и наград. Мне тогда показалось, что уж лучше бы расстрел. Жить не хотелось. Не вагонные колеса на рельсовых стыках стучали, это сердце мое надсадно колотилось в осознании страшной, непоправимой беды. Только бы с Эльзой все в порядке, думаю. Хотя, какой к черту в ее положении мог быть порядок?

Приехал. Зона сантиментов не любит. А мне плевать. Хожу, как живой труп. Ничего не боюсь, ни на что не надеюсь. Что ни скажут, выполняю. Опустился совсем, в баню ходить и то стало в тягость. А перед глазами – пропасть черная, бездонная, и все меня к ее краю толкают.

Как-то на вторую, наверное, весну, еще в марте тепло стало. Грачи, чайки прилетели. Но вдруг «рявкнули» морозы, да такие, что птицы от голода и холода погибать стали. Увидел я: одна из чаек, как только захочет сесть, так и падает. Словно пьяная. Поймал ее. И тельца-то никакого нет. Только сердечко, наверное, и живо-то осталось. Со страху часто-часто бьется. А «крестики» на ногах совсем отвалились. То и падала. Соорудили мы ей с одним бывшим хирургом костыльки. Даже пальчики из кембрика приспособили. Долго привыкнуть не могла, все оторвать хотела. Ну и, конечно, на лету ее новое шасси не убиралось. Но привыкла со временем. И однажды пошла вразвалочку. Бойкая такая стала, перо очистилось, и все-то вокруг меня вертится.

Лежу как-то на нарах, и она рядом перышки перебирает. Подумалось: вот ведь, вся-то велика ли, а какой путь преодолевает, только бы в родные места вернуться? А я боевой офицер, войной крещенный, раскис при первом же шторме. Посчитал: мне только тридцать три года. В сорок восемь выйду. А вдруг досрочно освободят, о заслугах моих вспомнят? Надеялся, хотя знал, что статья моя не амнистируется. Но я живой. А пока человек жив, у него всегда есть хотя бы один шанс. Качели не только вниз падают, но и вверх поднимаются!

Среди зеков и охраны люди, конечно, были разные. От другого за версту навозом пахивает, даром, что ничего тяжелее и грязнее стакана сроду не поднимал. Но сама наша жизнь доказывает, что они в меньшинстве. В противном случае нам бы просто не жить. Были и там ребята, которые офицерское братство не пустым звуком считали. И не раз смерть возле меня проституткой дешевой крутилась. Все обходилось. А со временем все у меня стало получаться. Начальник тюрьмы, тоже афганской пыли похлебавший, узнал каким-

то образом, что я рисовать умею. Вызвал. С тех пор я больше рисовал, чем лес валил. Это и спасло. Блатные поняли, что офицерские, да еще на крови замешанные связи крепче, чем у них, будут и вовсе от меня отступились.

А на свободу тянуло. Особенно весной. Засвистят крыльями утиные стаи, гуси в небе прогогочут, напомнят, как мы с Эльзой их на озере, что рядом с Фюрстенбергом, зимой батонами подкармливали. Перевернется все под зековской телогрейкой. Да куда денешься. Еще почему-то стал немца того жалеть. В жизни, конечно, не все делится надвое, но, наверное, нельзя за это убивать. Люди же мы! Во сне как-то приснился. Сидит, лакированной перчаткой голову подпер и говорит по-немецки: «Ты знаешь, как страшно лежать под землей одному? Зачем ты меня убил? Я хотел жить. Эльза была для меня единственной радостью. Почему ты отнял ее? Ты и ее убьешь. И мы снова будем вместе». Произнеся эти слова, он поднял голову и зловеще улыбнулся. Мне стало страшно, и я проснулся от собственного крика.

Ничего нет вечного. Прошли и мои пятнадцать лет. Освободился. Надо жить! Но это мне надо, а больше никому до меня дела нет. Помотался туда-сюда. Но тайное клеймо в паспорте все дороги закрыло. Бичи в Лузе подсказали:

– Езжай в деревню, где глуше. Там в результате сплошных экспериментов по подъему села, выживших скоро в Красную книгу заносить будут. Работать некому. Так что возьмут с лапочками. Зиму прокантуешься, а летом опять на вольные хлеба. Так вот я у вас и оказался.

– Да, подполковник, досталось тебе по самое никуда, – помолчав, протянул Константин Сергеевич. – Но не киснешь и это главное. А я агроном, Степа. Без этой земли себя не мыслю. И не за себя порой обижаюсь на разных выкидышей-реформаторов, а вот за ее никчемные муки, за зряшные усилия по вечному преодолению безмозглости. Ей ведь все равно, кто у власти: коммунисты, капиталисты. Обмануть ее реформами и сменой строя невозможно. Ей нужен труд и все вернется сторицей. Наши провозглашения и наша болтовня – для нее шелуха и ничтожность. У нее другое предназначение. Космическое, если хочешь. В юности бывало, заседлаю лошадь, какая поярее, и в поля. Особенно на рассвете любил. Пришпоришь лошадку-то, а она, милая, из характерности своей и без того ключом кипит. Птица всякая из-под копыт в стороны! Брызгами! Вылетишь на полевой взлобок, а вокруг насколько хватает взгляд сине-зеленое раздолье. И все живое, и все вместе с тобой жизни радуется. И никакой грязи не видно, словно ее и нет. Богатырем себя мнишь. Петь хочется. Ничего уж не страшит. Только заметил я, Степа, что из несущихся, словно конница, миллионов пушинок розового осота только те продолжают род, которые сумели остановиться,

не пролетая родной земли. Полет? Полет хорошо. Когда есть на земле надежная посадочная площадка. Дай бог, чтобы и ты обрел ее. Мне иногда говорят: «Чего ты в этой глуши живешь? Кому это надо, что ты в мерзлой осенней грязи вместе с трактористом разорванную гусеницу, надрываясь, на катки тащишь? Думаешь, спасибо скажут? Не хрена ты не получишь. Набор благодарностей начальственных пока от Москвы до тебя дойдет, иссякнет». Промолчу, а в душе все-таки что-то нехорошее заведется. Только как вот это все бросить? Мужиков продать? Не бахвалюсь, но помяни мои слова, Степа, пока я здесь – на этой земле лучше, чем без меня. И хорошо, если б от всех так было.

Константин Сергеевич хотел налить водки Степану, но тот, аккуратно перевернув рюмку, отодвинулся от стола:

– Не буду, Сергеевич, не наливай. Боюсь я после того случая водки. Пробовал как-то еще в зоне досыта попить. Офицеров уговаривал в Германию со мной вместе бежать.

Степан усмехнулся:

– Ревел, говорят, что лось на гону. А на утро прапор тот старенький вспомнился и слова его: «Водки ради бога не пей. И к ней не ходи». Так что уж, извини.

– Как знаешь! Тогда и я не буду. А тебя к нам, Степан, сам Бог послал. Услышал мои партийные просьбы. И нанесенные атеизмом обиды простил. Есть в этом его прощении какая-то загадочная сила. Для меня наглядная агитация, как серпом по известному месту. Доим не ахти. Привесы – того хуже. А вот оформление всего этого, чтоб на высоте. И чтоб все как на фронте! Даешь! А кому давать-то? На фермах ни одной здоровой доярки нет. Посмотрю на их руки – жить стыдно становится, а не то что агитацию разводить. Но ведь приходится. Так что, Степан, выручай! Может, выпьешь за трудоустройство? Не будешь? Тогда пошли устраиваться. Могу и женить. Вдов у нас по три, а то и четыре в год прибывает.

Бригадир, невысокая плотная женщина, критически осмотрела Степана и спросила в упор:

– Не сбежишь? До тебя двое были, кроме кровати, все умудрились пропить и сбежали. Хорошо хоть заработок не весь получили. Было с чего удерживать.

– Ты, Петровна, не зная броду, юбку не загибай! – жестко прервал ее парт-орг. Мода дурацкая. Из-за пары сволочей всех с грязью мешать. Твое дело жильем человека обеспечить, а не оценки ставить. Завтра с утра в контору за пастухом побежишь? Побежишь. А к человеку отнестись нормально – ума не

хватает. «Не сбежишь»... Да после такой «ласковой встречи» невольно куда глаза глядят унесешься. Лишь бы тебя не видеть. А ты, подполковник, прости ее. Мужики эту работу не выдерживают. Народу надежного мало осталось. А скотина того не понимает, и каждый день есть хочет. Вот и издергалась вся. Прости, уж. В Афгане тоже не с цветами встречали?

После этих слов Петровна взглянула на Степана как-то по-особенному, и все устроилось быстро. Через пятнадцать минут Степан уже сидел в просторной комнате общежития на только что заправленной им кровати.

Константин Сергеевич довольно хмыкнул:

– Ну вот, отдохни с дороги, а вечером приходи ужинать. Обязательно. Не то Анне за тобой бежать придется.

Назавтра Степана определили пастухом к большому и, как оказалось, непослушному стаду. Выручил Константин Сергеевич.

– Как оно, – спросил, – подчиняются военной дисциплине? Ничего, привыкнут. Только ты Степан впереди стада ходи. Они, как люди: любят, чтобы впереди командир был. Случись что, будет на кого вину свалить. Они умные тоже. На вот. Я тебе аванс привез. Магазин вечером долго работает. Купишь необходимое, плитку и кипятильник Петровна занесет. Поживем еще при этом императоре! Да, если время будет, прикинь, что необходимо для рисования и черчения. Краски там, бумагу, ДВП... Еще что? В город поеду, привезу.

Лето в тот год жарило, словно в отместку за тягостные всему живому весенние длительные отжимки. Коровы, пытаясь хоть как-то спастись от жары, не вылезали с реки. Степан сам предложил пасти их ночью. Петровна Степаном не нарадуется. Шутка ли, пастух после смены придет на склад и давай мешки с комбикормами на телегу грузить. По два сразу под мышками несет. И на ферме посторожит, если сторожа в загул уйдут. Зарабатывать стал больше директора.

А тот и доволен:

– Мне бы таких пятеро, и никаких нытиков не надо. С утра у магазина ошиваются, а к вечеру – в крапиве головой. Зато уж потрепаться сами не свои. А этот – танк, не мужик! – Хлопал Степана по плечу, представляя приезжим. – Деньги вот только непонятно куда деваает! Куда, Степа?

Тот только улыбался, и шрам на лице распрямлялся и светлел.

Так прошло два года. Степан перешел жить к овдовевшей Петровне.

Но однажды пропал. Заявляли в милицию. Никаких следов не нашли, словно и не бывал. Константин Сергеевич обходил «красные уголки» и сокрушенно качал головой:

– Скоро новые цифры вписывать надо, а как? Художника нанять дорого. У самого по этому делу руки не оттуда растут. Да бог с ней, с агитацией. Человека не стало. Хоть бы сказал чего? Или написал! Ни ответа, ни привета. Куда летят, Степа, твои качели?

– Потерпи, Костя. Не время, наверное, еще. Не до нас. И про качели свои он не все еще знает. Потерпи, – успокаивала Анна.

Прошел еще год. Отзвенело новое лето. Снова прощальными красками вспыхнул за околицей лиственный лес. Высоко в пасмурном небе, словно опасаясь услышать горестные призывы покинутой земли, уходили в неизвестность многоголосые вереницы гусей. Кто знает, может быть, они летели в те самые окрестности Фюрстенберга, где их кормили батонами русский офицер и хрупкая немецкая женщина, похожая на Ирину Алферову...

Именно в такую ночь Анне показалось, что кто-то стукнул кольцом на входной двери. Негромко, два раза. Так всегда делал Степан, если ему приходилось их беспокоить. Как назло на улице у входа перегорела лампочка, и когда Анна выскочила, то никого уже не было видно. Только гуси кричали в темном, совершенно непроницаемом небе.

Осмотрелась, и когда уж глаза привыкли к кромешной тьме, разглядела на обшито цоколе дома предмет, перевязанный белым шпагатом. Взяла. Окликнула негромко. Но снова только гусиное гоготание в ответ. Крикнула еще раз, уже сильнее. Никто не ответил.

Зашла в дом. Константин Сергеевич, уже одетый, спросил: «Степа?»

– Не знаю. Никого нет. Вот, что-то оставили. Смотри.

С этими словами она начала срывать скрывающую предмет бумагу. Это была картина. И когда она повернула ее мужу, то увидела на обратной стороне размашистую, словно убегающую вперед надпись: «Простите меня за неожиданный отъезд. Друг сообщил, что Эльза умирает. Рак. Я не успел. От нее у меня остался маленький квадратик от картонной коробки со словами: «Я тебя люблю». Говорят, она писала эту записку по-русски три дня. Плакала от боли и все-таки писала. Ее больше нет. Остановились мои качели. Храни Вас Бог! Степан».

Внизу – приписка тем же неровным почерком. «Еду в родные места. Надеюсь, что там будет легче. Шлю на память картину. С однополчанином по Афгану – он родом из ваших мест. Спасибо за все».

Анна развернула картину к себе.

Пограничный столб. Чуть поодаль, слева – две переплетенные стволами сосны, вершины которых сломаны ураганом. Справа, у незнакомой, отливающей свинцом реки, – остановившиеся деревянные качели.

Литературное объединение

«Откровение»

г. Никольск

Ростислав Панов

Нисколько не сомневался

Он попал в колодец. Может, и сгинул бы – в темноте и холоде. Утром достал его, зачерпывая ведром воду. Красавец представлял жалкое зрелище. Золотое оплечье едва угадывалось, и весь он сморщился. Крылышки едва подрагивали. Положил шмеля на сухую дощечку, оказавшуюся под рукой. Июньское солнышко обсушило наряд шмеля.

На другой день в густе цветущей смородины я заметил нескольких шмелей. Басовито гудел среди них и спасенный шмель, прикасаясь крылышками к невидимой струне. В том, что она висит в серебряном воздухе, я нисколько не сомневался. Просто мир вокруг нас настолько богат, что мы видим лишь малую толику его.

Одарила

В начале сентября сильный иней осыпал землю. Матовая отава лишь поздним утром оправилась от потрясения. На деревьях и кустарниках висели капельки воды, как после дождя. Брызнули лучики солнца, но легкая грусть все-таки томила меня.

До начала зимы захотелось убрать под навес поленницу дров, вплотную стоявшую возле забора. И, что ни говорите, бывают же чудеса! Пусть и маленькие, зато трогательные. Между забором и поленницей, в тесноте, пробились к свету кустики малины. На них рдели сочные рубиновые ягоды. И еще не раз одарила ягодами малина, пока не ударили холода.

Кротость красоты

После грозового ливня дождинки долго держались на поспевающих яблоках. Что же удерживало их? Наверное, кротость красоты.

Будет жива

В Ирдановском поле в давние времена образовалась ложбинка. Среди ивняка и молочая забил холодный ключ. Из деревни спускаются к нему за водой. А когда мужики устроили колоду и укрыли ее от дождя и снега, зачастили сюда бабы полоскать белье.

Поле перепахивается. Но, покуда жив человек, будет жива и тропинка, ведущая к роднику.

Необычное гнездо

Возле своего дома мужик сронил высокую ель и когда стал распиливать на дрова, обнаружил в вершине воронье гнездо. Оно было настолько крепко сплетено и удачно расположено между лапками, что не рассыпалось при падении.

Гнездо оказалось большим. Любопытствуя, я подошел к нему и сразу понял, отчего оно не рассыпалось при падении ели. Оказывается, в качестве строительного материала ворона использовала не только веточки, но и кусочки алюминиевой проволоки.

– Налицо технический прогресс, – сказал мужик.

Он сокрушенно качнул головой: «Вот ведь какая неувязка. И дернуло же меня спилить дерево!»

Снеговой свет

Поздней осенью предутренний свет едва различается. Он смятый, словно невыспавшийся человек. От такого света становится зябко, нехорошо. Поскорее хочется убраться в теплую избу.

В январе пали крещенские морозы. По обыкновению проснувшись рано, я глянул в окошко. Соседские березы походили на старинные пряслицы с нежной куделей. Рябины и тополя, казалось, не дышали, боясь потревожить на себе серебряную кисею.

Одевшись, ступил на заиндевшее крыльцо. Луны не было, но по земле растекался свет. От его прикосновения вначале сделалось холодно. А, размявшись, не чувствовал, как разгорелись лицо и руки. Снеговой свет держался до солнечных лучиков, а потом спрятался в кустах и оврагах до следующего утра.

Приметки

Самый неловкие месяцы для меня – ноябрь и декабрь. Солнышко встает поздно и буквально в четвертом часу начинает смеркаться. Короткий световой день раздражает, поскольку большую часть времени приходится проводить в четырех стенах. Угнетающе действует колючий дождик с мокрым снегом, слякоть. Ничего не хочется делать, ничего не лежит к сердцу. С таким настроением и захворать можно.

За избой на углу стоит тополь, неизвестно откуда и кем посаженный. Высоко вознесся к небу, и если смотреть на него из окна, то можно заметить, что тополь пересекается с далеким горизонтом. По вечерам гляжу на закат, определяя по нему погоду на предстоящий день. После новогодья понемногу

оживаю. Дело в том, что придумываю своеобразную игру. Линию горизонта от восхода до захода солнца делю на части, ориентируясь на тополь. По этим невидимым делениям сужу, насколько прибавляется день.

Минул январь. Солнце все ближе подвигается к тополю, осыпанному тончайшим инеем.

Когда на ветку садится птица, кажется, сам воздух начинает светиться от потревоженной красоты. Я люблюсь этим светом, который трудно перенести на холст даже художнику.

В канун января совершаю прогулки в заснеженный огород. Протоптываю тропинку, где на краю махонького пруда растут ели. У одной ели примечаю зажатую в расщелине шишку. У подножия ствола – шелуха. Валяются расклеванные дятлом шишки. А вот он и сам – черно-пестрый красавец. Опершись на хвост, потюкивает по коре. А затем длинным язычком достает уснувших насекомых или короедов.

У кустов калины с уцелевшими ягодами порхают снегири. Возле палисада, где огребен снег, рассыпаю крошки хлеба для синичек. Гомонят пушистые воробушки. Все живое радуется приближению февраля-бокогрея. Вечером, на закате, в очередной раз делаю приметку. Солнце заметно приблизилось к тополю. По подсчетам, день прибыл на полтора часа. Желание дожждаться весны настолько велико, что ночью мне снится неугомонная капель, распустившиеся вербы и первые подснежники по обочинам дорог.

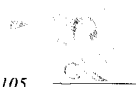
В феврале продолжаю вести приметки, но не регулярно. Бывает, что и по трое, четверо суток метет. Ветер пластает по улице мутные вихри. Становится так сумеречно, что машины идут с зажженными фарами. Поколобродив, затихла пурга. Тучи размело, и выглянуло солнышко-колоколнышко. Так в феврале называют светило деревенские бабушки. И не зря. Хотя солнышко не звенит, но дает о себе знать. Подставишь ему спину или бочок – легенько пригреет.

Торю дорожку к бане и вижу на одном из зауголков подтаявший снежок.

Воздух тонко колеблется под крышей, но сосулек пока нет.

Право слово, любопытно, как все переменяется в природе. Особенно в марте. В записную книжку вписываю: «Кружат над елями вороны, кричат особому, молодо. Возле речки у подножия холма обнажился супесок. Сверху склона каплет. Между корнями травы скапливается первая лужица. В небе – кучевые облачка. Соседский мальчишка принес новость: прилетели грачи».

Когда солнышко начинает садиться за тополем, я прекращаю свои приметки. Они помогли мне пережить зиму, дожждаться майской грозы и увидеть цветение черемухи.

Мышка-мама

В жизни сильно обедняем себя из-за суеты, равнодушия и лени. Привыкли к тому, что после зимы приходит весна, весна сменяется летом... В этом чередовании времен года не замечаем ничего особенного, даже маленьких, но знаковых сцен.

В середине августа задумал выкопать картошку, поскольку дни выдались солнечными, сухими.

– Бог знает, какая завтра погода? – подумал я и решительно взялся за вилочки. Посохшая ботва была скошена ранее и сложена по краям борозд, что облегчало мою работу. К полудню почти на половине загона лежала россыпью картошка и подсыхала.

Наклонясь в очередной раз, отвалил в сторону несколько грядков и наткнулся на мышиное гнездо. Показалось несколько мышонков, едва умевших ползать. Серая пушистая мышка-мама с бусинками-глазками стремглав нырнула в капустную грядку.

Я отставил вилочки, решив не трогать маленьких созданий. Велико материнское чувство! Затаившаяся было мышка-мама не вытерпела и выбежала к детям. У самых моих ног она взяла одного мышонка и унесла куда-то. Явилась вновь. Взяла другого, третьего... Унесла всех до единого.

Наблюдая эту сцену, с сожаленьем подумал о некоторых молодых женщинах, оставляющих своих новорожденных детей прямо в роддоме.

Прощальный костерок

В детстве с дружкой Валеркой я уходил на Красную горку. Происходило это обыкновенно в сентябре, когда заканчивалась в огородах копка картошки. На грядках до холодов оставались белоснежные кочаны капусты. Прежде чем отправиться на Красную горку, набирали полные карманы клубней, не забыв прихватить щепоть соли.

Красная горка представляла собой в те давние времена несколько перелесков, разделенных болотистыми овражками. Верхние склоны ее пахались. Террасные полосы и теперь сохранились. Правда, их изрядно затянуло вересковой порослью. Рыжечное раздолье влекло нас. Понизу, по влажных местах, росли желтые грузди. Но мы не знали, что они съедобны и не брали их.

В одном из перелесков стоял шалашик, о котором знали я и Валерка. Еловые нависи скрывали костерок. Догорали сухие сучья, угольки золотились. В горячий пепел мы сыпали картошку. Печеная картошка впитывает запах костерка. Покрывается корочкой, которую не следует срывать, а лишь слегка почистить. Разломишь такую печенюшку пополам, и от нее – превкусный запах.

Просиживали, бывало, у шалаша до сумерек, которые напоздали из недалекого леса. Затопляли луг и вползали на Красную горку. А когда становилось рано и начинал вылаиваться туман, давал о себе знать коростель. Не поймешь, от чего он тревожился? Покричит то в одном месте, то в другом. Словно кого-то ищет. Затерялись следы Валерки. Я же после службы в армии и недолгого житья в Сибири вернулся в свою деревню. По старой привычке бываю на Красной горке. Правда, не пощадили ее человеческие руки. Некоторые перелески сведены на дрова и под сенокос. Осталось мало полянок, где росли желтые грузди. Но рыжики искать можно. В большинстве случаев в ивовых кустах, где набираются сил крохотульки-елочки.

Уцелел перелесочек, где находился наш шалашик. Я соорудил новый, используя сухие жердочки, лапаки, принесенную с ближнего поля солому. Вот и сейчас, как прежде, складываю костерок. Подношу к бересте спичку. Она вспыхивает, и огонек торопливо захватывает хворост. Стебелек дыма поднимается по замшелому стволу ели и теряется в ветвях.

Синее небо настроено на тишину. В полдень ее нарушает летящий самолет. Я представляю, как в салоне, в мягких креслах сидят пассажиры. Смотрят сквозь иллюминаторы на проплывающие внизу леса и доли, капельки озер и ленты рек. Может, люди добираются куда-нибудь на юг: на Мальту, или на Канарские острова, в Египет или в Тунис? Там золотистые пляжи, пальмы, соленый морской ветер. На миг становится завидно, но эта зависть сиюминутна. Я бывал в тропиках, купался в море и отдыхал на пляже, слушая шелест набегающих волн. Однако нет ничего милее родимых мест с их неяркой, задушевной красотой. Особенно в начале осени, когда природа готовится к приходу зимы. Мой прощальный костерок бьется, как живое сердце. Я вспоминаю Валерку и думаю, отчего же он не подает о себе вестей? Может быть, не жив? А костерок мой не гаснет. И слава богу!

Николай Гагарин

«Мой адрес не дом и не улица...»

По роду своей деятельности мне часто приходится разыскивать своих пассажиров по адресам, указанным диспетчером, и, скажу вам, это у нас в районе весьма нелегкое занятие. Скажите, к примеру, где у нас находится дом № 9 по улице Строителей? Нет, вовсе не на улице Строителей, а на перекрестке улиц Кузнецова и Заречной. А дом № 121 по улице М. Конева? В переулке Опорном! Почему? Да, архитектор его знает! Как там в песне у Юрия Антонова: «Пройдусь по Абрикосовой, сверну на Виноградную...» А у нас никуда и сворачивать не надо, идешь по Никольской и вдруг оказываешься на Цветочной без всякого поворота, разрыва или перекрестка. Или даже так – слева улица имеет одно название, а справа – уже другое. В общем, как поется в известной песне: «Улица, улица, ты брат, пьяна, левая-правая, где сторона?» А, действительно, где? Где право, где лево, где сено, где солома? Если 41-й и 20-й дом могут стоять рядом и на одной стороне. И кто тут пьяный, да нешто, улица?! И это в райцентре! В деревнях, кстати, не лучше. Не соблюдаются ни четность, ни порядок номеров. Все разбросано хаотично. Создается впечатление, что главы поселений либо вовсе не знакомы с арифметикой, либо бросили номера на стол с призывом: «Бери, кому что нравится!» Получилось, что не пронумеровали дома, а зашифровали. И аборигены вам здесь не помощники, они сами ничего не знают. Как говорила мне одна пассажирка из деревни: «Да я до прошлого лета сама не знала, в каком доме живу. Стала дом-от красить, посмотрела – батюшки-светы, бирка висит!»

Да, раньше адреса понятней указывали. Скажут, к примеру: три березы под окошком и большая лужа со свиньей – так тут он и есть, не обойдешь, не объедешь. Скажу вам по секрету, у нас даже глава администрации района в магазине прописан. Магазин «Перекресток», что в переулке Кузнецова, и дом первого лица в районе один и тот же адрес имеют. И до сих пор спорят – кто первой! Продавцы утверждают (и это исторически подтверждается, магазин построен на несколько лет раньше, чем дом главы), что они первые! Кто, зачем и почему главу в магазине прописал – непонятно. Может, для конспирации, так что тсс-с..

Юрий Зайцев

Я стар

Я стар, но смерти не боюсь
И жду ее с открытой дверью.
Во снах я лбом об стену бьюсь,
Подушка рвется в пух и перья.

На мир смотрю через стекло
Окна, застывшего с неделю.
Все жду, когда придет тепло
И сердце одарит капелью.

Занятий скучных кутерьма,
Мне все порядком надоело.
В душе и за окном зима,
Природе до меня нет дела.

Стихов распахнута тетрадь,
А в мыслях бунт от неудачи.
И мне на все уже плевать,
Как той замерзшей, старой кляче.

Но вот закончен эпилог.
«Дождись весны!» – душа кричала
Никак не вставлю первый слог,
Пишу с конца, а не с начала.

Я знаю, что такое счастье

Я знаю, что такое счастье,
Когда есть мама у тебя.
И если вдруг в душе ненастье,
Согреть детей – ее судьба.

Набросит мягкий плед на плечи
И свяжет теплые носки.
Без докторов, добром излечит
От хвори, боли и тоски.

Советом мама мне дорогу
Укажет в безмятежный мир.
А я с мольбой прошу у Бога,
Здоровья ей и жизнь, как пир.

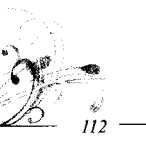
Какая красота вокруг царит...

Какая красота вокруг царит,
Когда рассвет в жемчужном ожерелье
Лучами солнца землю озарит
И для природы принесет веселье.

Какая красота вокруг царит,
Когда на лицах у людей улыбки.
И значит, боль в их душах чутко спит.
Но жаль, что этот сон незримо-зыбкий.

Какая красота вокруг царит,
Когда дни не летят, а длятся с пользой.
Здоров ты и бездельем не убит,
А жизнь кипит и не торчит в душе занозой.

Какая красота вокруг царит
От мысли стихотворного букета.
И муза вдохновенная парит
При встрече поэтессы и поэта.

Совесть

По жизни мы идем, стремясь к успеху,
Отбрасывая в стороны преграды.
Цель впереди и в этом лишь утеха.
Ее, добившись, мы безмерно рады.
Азарт приходит поражать мишени,
Как в биатлоне выбивать десятку.
Карьерной лестницы считаем мы ступени.
Всему и всяк, давая взятку.
Переступить черту запретную однажды
Соблазн велик, но не любой сумеет.
Хотя и совестью гордится каждый,
Но вот не каждый у себя ее имеет.

Мир поднесет тебе цветы.
Не нужно в дом пускать гордыню.
И зависть палкой надо гнать.
Украсит рай, души пустыню.
И будешь ты спокойно спать.

Не будет в жизни огорчений.
Не станет лишней суеты.
Уйдешь от горестных течений.
Любые сбудутся мечты.

Любовь и красоту, зеркально,
В своих глазах увидишь ты.
Добро живо, оно реально.
Мир поднесет тебе цветы.

Осенняя пора

Осенняя пора – мадам-кокетка,
Заворожила мою душу красотой.
К земле деревья наклонили ветки,
Чтобы проститься с павшею листвою.

Одежду сбрасывают рощи и дубравы
И покрывают золотом траву.
Какие двойственные у природы нравы,
Я это вижу не во сне, а наяву.

С берез, осин слетели платья, сарафаны.
Рубахи сняли вязы, клены, тополя.
И ждут, продрогшие, небесной манны,
Как ждет ее остывшая земля.

Старый дуб

На старость черствую мою,
Бросают тень людские взгляды.
Я голый на ветру стою
И от судьбы не жду награды.
Простившись, хлопнул дверью май.
Июнь пыхтел своей жарою.
Уже не зонтик для птичьих стай,
А сторож корма под корою.
Я крону пышную свою,
Сменил на горсть седого мха.
Сухой корявостью стою.
Свалили б лучше, от греха.
А счастлив и безмерно рад
Я потому, что, как грибки,
Сынишки выстроились в ряд.
Из желудей растут дубки.

Подорожник

Друг путешественника есть
И на любой дороге,
Ты можешь рядом с ним присесть,
Когда поранишь ноги.

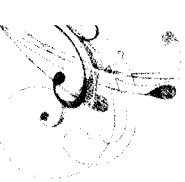
Он тут как тут, ждет, не таясь,
Росою лист умойся.
Сорви и к ранке той, молясь,
Его прижать не бойся.

Он утолит лихую боль,
Будь даже ты безбожник.
И жизни исполняя роль,
Зовется – подорожник.

Медуница

В природе ранняя весна,
Цветов в лесу почти не видно.
Но тем она, видать, красна,
Ей за цветок такой не стыдно.
Средь зеленеющей травы,
Он красно-синим «фиолетом»
Украсит скудные ковры
Своим разнообразным цветом.
Сначала красным зацветет,
Затем и «фиолетом» спелым,
От синевы откроешь рот,
А иногда нас удивит и белым.
И все на стебельке одном,
Но разное цветения время.
Невидимый художник-гном
Раскрасил акварелью племя.
Шмели и пчелы с высоты
Летят нектаром насладиться.
Цветок небесной красоты
Не зря назвали медуницей.

Пижма

Ряд желтых пуговиц пришит
К зелененькому стеблю.
Рябинкой дикой ворошит,
Полей заросших землю.

Ее по листьям узнают,
Они сродни рябине.
Но пчелы прочь с цветов снуют
От запаха чужбины.

Да, пижму даже скот не ест,
Но все ж она – лекарство.
Корням ее зеленый свет –
Вход в пряничное царство.

Варвары

Сегодня я пришел сюда увидеть
Ту красоту, что нежно полюбил.
Но как не клясть и как не ненавидеть
Того, кто это с лесом сотворил!
Любимых мест былые очертания,
Остались с детства в памяти моей.
С кусочком жизни первое свидание,
Поляна эта, речка, как ручей.
Но где же ты, березовая роща –
В цветах и травах райский уголок?
Из кучи мусора торчали чьи-то мощи,
А из кострища к небу теплился дымок.
Здесь все не то, что было так мне мило,
Не сохранился памятный музей.
Я на чистилище смотрю уныло
И вспоминаю трех своих друзей.
Они в раю, на маковой полянке,
У цветника из хризантем и роз.
А я один, на варварской делянке,
У груды тел истерзанных берез.

Не нам ли жить...

Не нам ли жить в тепле и ласке?
Не нам ли землю украшать?
Снимите призрачные маски.
Живите, как учила мать.

Не нам ли писаны заветы, –
«Не делай зла, не согреси».
Задай вопрос и дай ответы.
Свою судьбу добром верши.

Уж коль стихи имеют силу,
Пойми, читатель этих строк:
Не рой враждой себе могилу
И не тревожь печальный рок.

Все то, что нежно и ранимо,
С любовью в жизни береги.
И будет зло всегда гонимо.
Друзьями станут нам враги.

Ольга Зотикова

Почему же я не борюсь
За любовь свою и удачу?
Почему я только смеюсь
Над бедой своей, а не плачу?

Почему я такая вредная,
Когда сердце требует ласки?
Почему презираю неверных
И люблю так старые сказки?

Почему меня звезды тянут к себе
Ледянящим таинственным светом.
Почему все песни мои о тебе?
Почему? Кто знает об этом...

Появля чувства, как цветы.
Пожухли, словно травы в осень.
Был солнцем ты,
Был богом ты,
Пока меня с небес не сбросил.

Небрежным жестом расколос
Хрустальный замок грез.
Живи, в тиши уснувших сел,
И думай: было ли всерьез?

С неба сорвавшись – по горло в дряни,
В жутком бессилии падших душ –
Знаю, чувствую – глубже затянет...
Ни крика... Лишь по щекам тушь –
Жемчугом. Из короны – чьей?
В постели Князя тьмы ночей...
Безумная! Руки к звездам – ввысь!
Все силы в вопле немом –
ВЕРНИСЬ !

Не люблю. Просто стою,
Завороженная взглядом.
И ни слова не говорю,
Ощущая тебя рядом.

Но отпрыгиваю, как мяч,
Натолкнувшись на жар тела.
Милый, веришь, таких задач
Я решать совсем не хотела.

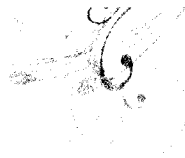
Не коснешься губами губ,
Но сжигаешь глазами живо.
Не рубец это, РУБ.
И не жду, чтобы быстро зажило.

Вырываешь швы из свежей раны,
Так, себе в утеху – раз, два, три.
Расставляешь вновь свои капканы,
Радуюсь – все могут короли.

Фаворитки лопают от зависти,
Мне подарен царственный поклон.
Полагаешь – очумев от радости,
Стану я претендовать на трон?

Удивлен, что не найдется силушки
Позабить шелк свадебных карет.
Ты мне так хотел подрезать крылышки,
Видел ли – и оперенья нет.

С благодарностью за чашу сплетен славы,
Не считаюсь с золотым венцом,
Дать бы в лоб тебе, подаренным, тем самым –
С синей церковкой – пасхальным яйцом.

Слезы из глаз? – Боль!
Грудь изнутри рвет на куски
Встреча с тобой.

Стой! С той... Прячь –
Глубже в карман золото правой руки
Режет глаза. Плачи?

Жизнь! – Календарь лиц.
Я пред Белым ангелом вспомню
Иней твоих ресниц.

Слезы из глаз? Боль.
В кровь, закушенной губы –
Соль.
Слезы из глаз – легче бы.

Я тебя обхаживаю.
Боль твою заглаживаю.
Я тебя отваживаю
От другой.

Губы заговариваю. Счастьем отовариваю.
Я тебя одариваю
Собой.
Мой!

Тебе ли со мною справиться,
Запутавшей все и всех.
Которая только странница
Любовных ночных утех.

Тебе ли со мною сладиться
Хорошему-то до слез,
Которая градом свалится
На твой океан из роз.

Тебе ли со мною нежиться
В святой синеве небес,
Которая просто грешница,
Негодная для невест.

*Ты так далеко.
Так не близко я.
Спит мой муж давно.
Спит жена твоя.*

Лижет сон темноту, расстоянья съедает.
И любовь твоя ко мне прилетает.

Пишет сказку ложь росами на листьях.
По дороге в рожь путаются мысли.

Повенчает тень нас на ночь.
На рассвете в день – в одиночку.

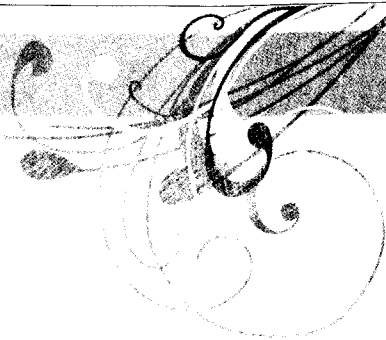
И со мной не ты.
И с тобой не я.
Сладко спит твой сын.
Дочка спит моя.

Зачем тебе я?
В безумстве ночей
Бесконечных я только минута.
Я доброе зло.
Тебе ли распутать
Клубок разных сказок о жизни моей.

Зачем тебе я?
Солнечным бликом
Мелькнет и растает в хаосе света
Случайная встреча.

И это вопрос –
Вопрос без ответа,
Становится страхом.
Становится криком.

Леонид Лешуков

Осенины

Царица

По земле зима шагает, властно царствуя и правя,
И ветра пред нею стелют бело-синее сукно.
Вензеля свои выводит по серебряной оправе,
Узорочьем украшая теплой горницы окно,
Или вдруг снега шальные на притихший город сонный
С рукава стряхнув, накроет снежной шалью все окрест,
Или в роще белоствольной, с царской щедростью особой,
Все березки разоденет, как на выданье невест.
Иль в высоком звездном небе соберет в корзинку блески
И на ели их развесит в благодушии своем.
То, расщедрившись, над речкой засветив зари полоску,
Ребятью зовет резвиться на застывший водоем.
Трон хрустальный свой, оставив на присмотр покорным слугам,
Рассмеявшись, загуляет, хоть царице – не с руки.
В пляс пустившись (пой, округа!) со своей служанкой-вьюгой,
Бойко в подданных бросает белой ручкою снежки.
Прихоть женскую потешив, тройку резвую стегая,
Мчит в волшебные чертоги рысаков своих лихих.
И кричит в чашобе леший, свиту царскую пугая,
А под синей лампой пишет ей поэт хвалебный стих.

Соль

Разбитной и неженатый,
При уме и все при мне,
Не кривой, не конопатый
Погулять пришел к родне
В деревеньке вологодской,
Где на сорок верст леса,
Семь домов и три колодца,
Ждет меня кума-краса.
Деревенские картинки:
Хлебный дух щекочет нос,
Звон косы, идут зажинки*,
Тявкнул где-то чей-то пес.
У колодца за избушкой
Тихий слышен разговор,
Две беседуют старушки –
Это мой знакомый двор:
«Потерялся что ль, родимый?
Загулял, иль нет родни?
Ты, милоч, шагал бы мимо,
На зажинках все они.
Глянь, хлеба-то ныне сохнут,
А без дел и день пустой».
На скамейку села, охнув:
«Ты чуток постой-постой.
Иль к тебе какое лихо
Прицепилось? Наклонись!»
Чуть привстав, сказала тихо:
«Чаще, миленький, молись.
Нам гулянье не в угоду,
Ты б, сыночек, косить помог.
Худо в небе: к непогоде,
Уж с утра не чую ног».
Путь в деревню был не близким,
Только время зря извел.
Поклонился бабкам низко,
И пристыженный ушел.
Не косарь я и не пахарь,
От стыда – на сердце боль,
Как в зажинки на рубахе
От трудов крестьянских соль.

* *Зажинки, зажинок – начало жатвы. В. Даль*

Безмолвие

В раскаленном от зноя бору
Я покоя искал и безмолвия,
И ладонями глядя кору,
Отдыхал от вериг пустословия.

Жаркий день уходил на закат,
Засыпало хозяйство – сосновия.
Прокричала сова невпопад
Над зеленою чашей безмолвия.

Я стихи положу под сосну,
Искупаюсь в купели безмолвия,
И на хвойной постели усну
Белый мох, положив в изголовие.

Вновь устав от забот и сует,
Про приличья забыв и условия,
Покупаю обратный билет
В безграничное царство безмолвия.

У нас метель с морозом не поладила,
До самых крыш сугробы намела,
А там, в такой заманчивой Ливадии,
Опять черешня пышно расцвела.
Там горы, говорят, ночами светятся,
И свежий бриз ласкается у гор.
А здесь средь звезд пасутся две Медведицы,
Звенит берез серебряный убор.
Иной на юг, расхваставшись, торопится,
А я в деревне поджидаю Новый год,
Метет метель, и в доме печка топится,
И Дед Мороз подвыпивший бредет.
Сверчок скребется где-то за полатями,
С души смахну насевшую печаль.
Мечту к сверчку заброшу о Ливадии,
Пойду друзей приехавших встречать.

В Вологде падает снег

Над Вологдой падает снег
Холодный, хрустящий, но ласковый.
А город вздыхает во сне,
Прощаясь с осеннею сказкою.
Хозяйка двора заспалась,
Укрывшись газетою с ребусом.
Снежинки летают кружась,
Цепляясь к последним троллейбусам.
А в Вологде падает снег
На парки, на улицы сонные.
Сливается слабый рассвет
С соцветьем аргонно-ксеноновым
Сигналит знакомый таксист,
Часы прозвенели полпятого,
А я, как юнец-лицеист,
Играю в снежки у Горбатого.
С моста мне кричит молодежь:
«Что, дедушка, греешься? Холодно?»
И пляшет неоновый дождь
На белом снегу по-над Вологдой.

Крестила храм и долго, и неистово,
Себя вначале осенив крестом,
Девчушка лет пятнадцати, форсистая,
В зеленой шляпке с розовым бантом.
Поклон, отвесив низкий и изысканный,
В изящной туфле сделала шажок.
В пятнадцать лет! И к Богу – сердцем искренне?
Понять создание юное не смог.

Сеногной

Разрыдалось утро раннее,
Над поникшею травой.
Отвинтило небо краники,
Над округой – сеногной.
Под зонтом курю на улице,
Дождь расходится. Грущу.
Зерен брошу в клетки курицам,
И стихами напишу,
Про жите мое домашнее,
Про негаданный покой,
Про мою соседку Машеньку
С русой длинною косой.
Про глаза ее манящие,
Про печальное: «Молчи»,
И про лето уходящее,
И про бабуку у печи,
Что хлопочет дни без устали,
«Что печалишься?» – спрошу,
И про долю ее русскую
Я с любовью напишу.
Сеет утро частым дождиком,
Дремлет кошка за трубой.
Не ходить с косою в поженке,
Травы никнут. Сеногной*.

**Сеногной – (диалект.) затяжной дождь в сенокос.*

Осенины

Какая прелесть-осенины*!
Заполье в золоте стоит.
Угор с названьем Подовинный
От глянца рыжиков блестит.
Дедок в кургузом пиджачишке
Таскает с плотика сорог.
В саду горластые мальчишки
Гоняют шапками сорок.
На взгорье в сумерках рябины
Кистями красными трясут,
И, будто бабы, осенины,
Чуть задержавшиеся, ждут.

**Осенины – встреча осени, проводы лета. В. Даль*

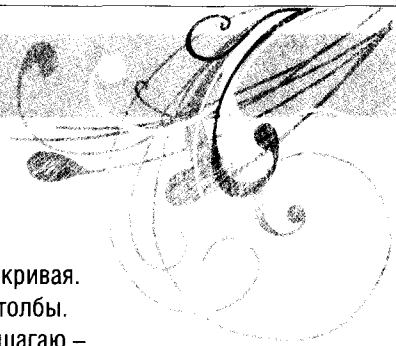
Зазывный крик. Взлетая стая,
Зовет с собою в небеса.
Листва кружится, опадая,
Ложится белая роса.
Студен закат и синь глубинна,
И в избах вымыто с дресвой.
Смешались чувства в осенины,
В душе блаженство и покой.

Дела

Задержали меня дела,
А ведь мама к себе звала.
Все просила: «Приди, сынок!»,
Но прийти я опять не смог.
Позвонили вчера друзья,
(Отказать им не мог, нельзя):
«Собирайся, нас дело ждет,
Самолет наш готов на взлет».
Не поспав, и в такую рань,
Мы летим во Тьму-Таракань.
Там в поселке среди лесов,
В царстве волчьем и серых сов,
Где по пояс лежат снега,
ЛЭП в тайге порвала пурга.
Самолет приземлился, стал,
А до места – еще полста,
Вездеходик ползет, ревет
И дрожит, как озябший кот.
Борт железный по ребрам бьет,
Встречный ветер колюч, как лед,
Перетерпим, не в первый раз,
Не такое терпел верхолаз.
Запахнув поплотней бушлат,
По стакану, и черт – нам брат.
Провода – на плечо, и – в след,
Дать в поселок тепло и свет.
Лишь – за чаем, в конце стола, –
«А ведь мама меня ждала».

Николай Игумнов

Дождливая осень. Дорога кривая.
В таежную даль убегают столбы.
И я по разбитым дорогам шагаю –
Видать, никуда не уйти от судьбы.
Зависли над полем огромные тучи,
И ветер шальной подгоняет листву.
Промок от дождя и дорогой измучен,
Я к теще в деревню плыву.
Что грязь? – Ерунда!
И вода – не беда.
Я вынесу это легко.
Ведь самое главное, братцы,
Чтоб теща жила далеко.

Ты так быстро разделась
И легла на кровать.
Но вот только не надо
Так меня целовать!
Загорелые плечи
Нагоняют волну:
«И зачем отпустил
Тебя в Сочи одну?
Да и с кем там, у моря,
Ты встречала закат?
Может, он тебе врал?
Может, был он женат?»
Как прогнать эти мысли,
С глаз убрать пелену?
И зачем отпустил
Ее в Сочи одну?

Выпал снег. На улице – минус.
Потихоньку к тебе я придвинусь,
Обниму тебя нежно за спину
И рукой проведу по бедру.
Ты такая красивая, все же
Для меня всех на свете дороже,
Брошу розы на брачное ложе...
Боже мой! Как тебя я люблю!

У моей супруги милой
Ну характер! Просто шило.
Я прошу уже неделю,
Чтобы дырку мне зашила.
Да не где-нибудь – в кармане,
Только неохота Мане.
Как-то раз в гостях у Ляли
Мы с друзьями загуляли,
До утра мою зарплату
Всей ватагой пропивали.
Утром – дома, все в тумане,
Я валяюсь на диване,
А моя супруга Маня
Ищет денежки в кармане.
– Ну, какие деньги, Маня!
Видишь дырочку в кармане?
Через эту дырку, Маня,
Утекали наши мани.

Снова грустно немножко.
Дождь стучится в окошко.
Дружно пляшут дождинки
За окном на доске.
Почему так нелепо
Мы с тобою расстались
И надолго остались
В безутешной тоске?

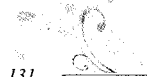
Играет ветер листопадом,
Из желтых листьев стелет шаль.
Бывает в жизни так, что надо
На всех парах умчаться вдаль.

Мерцает месяц в черных лужах,
И ветер душу бережит,
Ведь я тебе уже не нужен,
Обиды нет, душа болит.

Я не прощаясь уезжаю,
Срываюсь вмиг с привычных мест.
И светлый луч моей надежды
На прошлой жизни ставит крест.

Понять, простить – смогу едва ли,
Забуду все, начну с нуля.
Скую себе другое счастье,
Но, к сожаленью, без тебя.

От меня ушла жена,
Ненадолго вроде.
Мне ее недостает,
Как туза в колоде.
Коротая день за днем,
И под звон стаканов
Я, наверно, разведу
Скоро тараканов.
Если дома нет жены,
На душе хреново –
Ни поесть, ни постирать,
Ни прибраться дома.
Грусть-тоску глушу вином,
Утром похмеляюсь.
Приезжай скорей домой,
Я уже спиваюсь!

Виктор Цветков

Одиночество

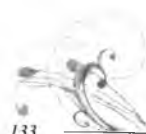
В крайнем доме села занавешены окна,
Под окошком клубится сиреневый дым,
Отшумевшая юность ночами мне снится,
Днем не вспомню себя – был ли я молодым?

Рвут листву с тополей ошалелые ветры,
Запоздалая осень распахнутым ставнем скрипит.
В крайнем доме села, без надежды и веры,
В ожиданье гостей одиночество чье-то не спит.

В полусумрак ночной уплывают тяжелые мысли.
Где, в какой стороне заблудились ее сыновья?
Но безмолвны в руках пожелтевшие снимки,
И целует их нежно материнский задумчивый взгляд.

За окном – ни шагов, и не скрипнет калитка,
Лишь в ночи отдаленный след упавшей звезды.
Да щемящая боль за судьбу с фотоснимка,
Да невысохших слез под глазами следы.

В крайнем доме села – безнадежность, тоска и усталость
У оплывшей свечи коротают мятежную ночь...
...За окошком метель гостьей в дверь постучалась
И, калиткою скрипнув, умчалась испуганно прочь.

Придорожные кресты

Мотая версты на колеса,
Спешу от праздной суеты,
А вдоль дороги по откосам
Стоят могильные кресты.

А вдоль дорог в туманный вечер
Слезу роняют васильки...
Те, под крестом уже далече,
Что к ним спешат – уже близки.

Визг тормозов... Железа скрежет...
Неразделимы тьма и свет...
Огонь съедал живых и мертвых
В машине, брошенной в кювет.

Рассветный час в хрустальных росах.
Зарей расцвечены кусты,
А вдоль дороги по откосам,
Звенят могильные кресты.

Лиса

В. А. Рыжкову

Резануло сполохом в пролеске,
И уткнулась рыжей мордой в снег...
Сноп картечи в бок ударом хлестким
Оборвал лисы настильный бег.

Покачнулось небо и упало
В глубину озер потухших глаз,
А из раны кровь на снег змеилась,
Прожигаю неокрепший наст.

Из последних сил за жизнь цепляясь,
С раны кровь смывая языком,
Долго-долго в судорогах билась,
Снег взметелив огненным хвостом.

А под утро, в траурном рассвете,
Иней вьелся в палые бока...
В окоем тоску развеял ветер,
А в глазах застыли облака.

Палач

*И вот мне приснилось,
Что сердце мое не болит...*

Н. Гумилев

Нет, мне не приснилось, что сердце мое не болит.
Оно и во сне, воспаленное болью России,
То птицей мятежной в морскую пучину скользит,
То бешено бьется в безумной, слепой эйфории.

Нет, мне не приснилось, пока что я жив наяву,
Горячая кровь согревает немертвое тело.
Убейте меня – я и мертвый к живым возвращусь,
Друзьям, не предавшим в беде, поклонюсь
И в чреве земли продолжу их правое дело.

Жестокое время! Топор палача занесен...
Чью голову ждет на крови отпотевшая плаха?
Повинную голову меч палача не сечет –
Безвинная кровь по просторам отчизны течет.
Топор занеся, палачи цепенеют от страха.

И вот мне приснилось: одежды сорвав с палача,
Его подвели к окровавленной, жертвенной плахе.
В толпу, рассмеявшись, мятежный палач прокричал:
– Безумцы! Сейчас вы убьете меня сгоряча,
Но где вы возьмете потом палача,
Чтоб головы сечь тем, кто держит вас в рабстве и страхе.

Притихла толпа, внемля смыслу пророческих слов,
И жертве, как грех, прощенье она отпустила:
– Запомни, палач! Народ не прощает долгов.
Карающий меч твой быть должен готов,
Как символ свободы, сверкнуть над больной,
Но не мертвой Россией.

Нет, мне не приснилось, что сердце мое не болит.
Оно и во сне, воспаленное болью России,
Мятежную птицей взывает в безмолвной ночи:
– Россия, Россия!!! Прощенные где палачи?!
Сверкнут ли, отточены гневом и болью, мечи,
Чтоб головы сечь тем,
Кто предал и продал Россию...

С батожком по полюшку заросшему,
Тропкою извивной, вдоль реки,
Помолиться в Тихвин шли к Егорию
С деревень окрестных старики.

Шли они не торопко и баяли,
Кто о чем, но каждый о своем.
Добрым словом помянули барина,
Ропотали: «Ноне-т как живем?

Прорастает злаком в горле зернышко,
Застит взор запущенности грусть...»
Не вздымать сохой им боле полюшко
И в покосе грудь не распахнуть.

Чернобылом затянуло пашенки,
Мелколесьем пожни заросли...
Старики поохали, поохали
И, крестясь, с молитвой дальше шли.

Следом – девки, в тройки разнаряжены,
В сарафанах – рюшками заря,
Алой лентой кофты разукрашены,
Щеки их малиново горят.

Молодые, горюшка не ведая,
Веселятся девки – ну и пусть...
Помолиться в Тихвин шли к Егорию
Старики за дремлющую Русь.

Выпускница

Дочке Жанне

Мать сошьет тебе платье белое,
И пойдешь ты на бал выпускной.
Очень юная, в меру смелая,
С гордо поднятой головой.

Брови вскинутся, глазки сузятся,
Загорятся, как угольки.
И по майской сиреновой улице
Расстучатся твои каблочки.

И прощальный звонок грустным эхом
За собой тебя в зал уведет.
И какой-нибудь добрый учитель
Вдруг не выдержит и всплакнет.

Все секреты раскроются личные,
Будут стены от смеха дрожать,
И мальчишки смелее обычного
Будут вас приглашать танцевать.

Литературное объединение

«Родник»

г. Подосиновец Кировской области

Владимир Терентьев

Черная речка

И наступил назначенный час.
Без промедлений на место встречи
В зимней повозке прибыл Данзас.
Сразу направились к Черной речке.

Снежно и ветрено на Неве.
Над горизонтом тучи нависли.
Мечутся, мечутся в голове
Разные думы, разные мысли.

«Скоро стемнеет – нехорошо.
Быстро зимой наступает вечер.
А ведь сегодня был приглашен
На отпевание сына Греча.

Но, видит бог, возможности нет
Выразить искреннее участие».
Сани скользят, оставляя след.
Западный ветер несет ненастье.

«Смерть не страшна. Дороже честь.
Об отступлении нет и речи.
Много вокруг Петербурга есть
Так называемых Черных речек».

Ветер вздымает снежную гладь,
И горизонт стал нечетко виден.
«Завтра к Брюллову – портрет писать.
Нет оснований его обидеть».

Сани скатились на невский лед.
Зная, что он в это время крепок,
Кони бесстрашно летят вперед,
Прямо туда, где темнеет крепость.

Бережно тайны свои храня,
Твердо стоит она – метит в вечность.
«А уж не в крепость ли ты меня?» –
«Нет. Так нам ближе до Черной речки».

По Петроградской промчались вмиг.
Вырвались в поле, поближе к цели.
«Ну, погоняй, погоняй, ямщик!»
Кони еще быстрее полетели.

Близится, близится мглы стена.
Ветер вот-вот захлебнется в плаче.
В дымке вечерней уже видна
Рощица за Комендантской дачей.

Вот и приехали. Пятый час.
В роще снега глубоки сверх меры.
Тропку проделали. И Данзас
Подал команду идти к барьерам.

Эхо вернуло выстрела звук.
Жизнь не вернешь, а скорбь не измеришь.
...Черная речка. Гора Машук.
Номер гостиничный в «Англетере».

Томик Рубцова

Рассвета что-то нет и нет.
Я жду, когда придет рассвет.
Подзадержалось солнце,
Наверно, у японцев.

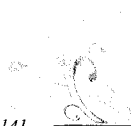
И, как назло, мне не спалось.
А ветер, как незванный гость,
Встревал в интимность ночи
И все вокруг ворочал.

Я выпил медленно до дна
Бокал дешевого вина,
Чтоб сбить свою угрюмость,
Но невеселым думам

Рассудок мой не возражал.
Я книгу взял со стеллажа.
Взял наугад, на ощупь
Какой-то томик тощий.

Раскрыл его и с первых слов
Вмиг понял – Николай Рубцов.
И с дружеским почтеньем
Весь погрузился в чтение.

И вдруг повеяло такой
Неодолимою тоской,
Тоской о давнем прошлом,
Поистине хорошем.

Надежда Мохина

На крутояре

Почву выдуло ветрами,
Почву вымыло дождями,
Крону опалил пожар.
Вольно тянется ветвями,
Цепко держится корнями
Дерево за крутояре.

Я под деревом. Я тоже
На него чуть-чуть похожа
И ветрам не покорюсь.
Пусть в промозглой мерзкой дрожи
Путь вперед тяжел и сложен,
Но иду – не оступлюсь.

Градобои, суховеи,
Ливни над судьбой моею
В белый день, в слепую ночь.
Почву выдуло ветрами,
Почву вымыло дождями,
Но – не сдаться, превозмочь!

Из окна поезда

За вагонными окнами –
 пустошь да тишь,
Только стук отупевший колес.
Что ж ты, жизнь,
 бестолково и слепо летишь
Под откос,
 под откос,
 под откос?

Покосились дома,
 доживают свой век,
Понадвинули крыши на лбы.
И взирает из поезда вдаль человек:
 Пустошь.
 Тишь.
 Верстовые столбы.

За вагонными окнами –
 русский простор.
Только русское где же жилье?
Захолустье,
 уныние,
 полный разор,
Заросли сенокос и жнивье.

За глубинку российскую
 сердце болит.
Но все выстрадать –
 хватит ли слез?
Все бывшее,
 что память тревожно хранит –
Все летит под откос,
 под откос.

Будет осень

Будет звездопад.
И ладони ты подставишь звездам.
На удачу или невпопад
Загадай желание –
не поздно.

Золотом пылали сентябри,
Дождь играл на флейте и на альте.
Вот она летит.

Летит, смотри!

...Мимо рук,
сквозь пальцы
...На асфальте!

И замрет в устах немой вопрос,
Выйдет дворник заспанный с рассветом.
Веником в совок –
осколки звезд.
...Как же это?!

*«Но помели день, врачуя
Это сердце от разлада».*

И. Анненский

Как устало дышит вечер...
В дом вползают тени сада.
Что за груз мне давит плечи?
И причина в чем разлада?

День уходит, догорает,
Непонятная тревога.
Что-то темное витает
Очень близко, у порога.

Лет ушедших вереницы
Промелькнут в одно мгновенье,
Как испуганные птицы,
Как шальные привиденья.

Думы смутные теснятся.
Жду чего? О чем мечтаю?
Мне в себе бы разобраться –
Я сама себя не знаю.

Может, лишь того хочу я,
Чтоб в тиши ночной прохлады
Задержался день, врачуя
Это сердце от разлада.

Маме

Дни, недели катятся упрямо,
Катятся, стекаются в года.
Ты не просто вспомнилась мне, мама,
Ты не забывалась никогда.

Кладбище – с равнины и на взгорок –
Выше поднимаются кресты.
На горе деревья шепчут горько.
Может, мама, нас услышишь ты?

Лишь сейчас понятно мне, как хрупок
Этот мир, когда тебя в нем нет.
Меряю тобою все поступки,
У тебя во всем прошу совет.

Помню день тот: дождь осенний капал,
Становился снежною крупой.
Сразу стал еще белее папа,
Стоя с непокрытой головой.

Этот снег и по сей день не тает,
Но в глазах не меньше теплоты,
Если на коленях он качает
Правнуков своих.

И видишь ты

Из далекой дали это чудо,
Зная, жизнь нельзя остановить.
Это было, это есть и будет:
Мама, с нами ты.

И будешь жить.

Жить и вздох, и впопыхах
По молодости лет спешим мы.
И, не считая весны, зимы,
Надеемся: весь мир в руках.

Несет земная круговерть
Сквозь день сегодняшний, вчерашний.
Все чаще думается, чаще
О том, как страшно не успеть...

Любовь Петухова

Блуждаем в лабиринтах жизни нашей
Без компаса, друзей и без свечи.
Нам каждый поворот бывает страшен
И кажется – кричи иль не кричи,
Никто не остановится, не спросит,
Все заняты собой, им не до нас.
Но верю я, что кто-то нас не бросит,
Плечо подставит в самый трудный час.
И пусть не даст готового рецепта,
Но впереди зажжет зеленый свет.
И это будет маленькая лепта,
Цены которой в нашем мире нет.

Надежда, Вера и Любовь –
Три наших Ангела, три верных птицы,
Когда захмурится на сердце, вновь
Их позовем, и радость возвратится.

Любовь, она серебряным крылом
Нас оградит от бурь и потрясений,
Надежда ярким светом и теплом
Излечит душу в хмурый день осенний,

А Вера наши силы укрепит,
Иссякшие в плену греховной власти,
И если совесть бодрствует, не спит,
Преодолеем низменные страсти...

Надежда, Вера и Любовь, они –
Божественного промысла огни.

В сугробы белые до окон
Зима закутала наш дом,
А у березы белой локон
Горит на зорьке серебром.

Днем солнца шар завис над лесом,
А мы морозу вопреки
Отыщем лыжи под навесом,
Пройдем вдоль берега реки.

Воскресный день красивый, ясный.
Бежит лыжня, как две черты,
И на душе всегда прекрасно,
Когда шагаешь рядом ты.

Олег Пинежанин

Нестандартный маршрут

Я оставлю ненужную скромность,
Впрочем, бить себя незачем в грудь.
У судьбы моей странная склонность –
Выбирать нестандартный маршрут.

Не гадал, не мечтал, не стремился,
Но шепнула злодейка тайком:
«Ты, похоже, в тельняшке родился,
Значит, будешь, дружок, моряком».

Отмахнулся я: «Бред какой-то, ложь».
Оказалось, права сумасбродная:
Мне к лицу бушлат, к телу брюки клеш,
Да и миссия благородная.

Море Черное, словно грядку взрыл,
С морем стал на ты, но не более.
Царь морской Нептун не приворожил –
Я махнул рукой акватории.

А судьба? Ей что, ухмыляется
Да нахрапом прет – пальцы веером.
Жизнь в сравнении постигается –
Обвенчала меня с диким Севером.

Я надолго осел в заполярной глуши,
Где от лютых морозов все синее,
Полной грудью вздохнуть не хватает души,
А слова осыпаются инеем.

Разрисованный черт не для детского сна,
А по жизни забава глупейшая.
Тает долгая ночь, и приходит весна –
В Заполярье она сумасшедшая.

Обнаженный пейзаж настигает врасплох.
Снег в оврагах белеет кавычками.
А вокруг озерка на запачканный мох
Выползают цветы необычные.

Из холодных морей в бесноватый разлив
Непрерывным потоком, лавиною
Рыбы царских пород совершают прорыв,
Окрещенный в народе путиною.

Всем весна ко двору. Сбросив тяжесть мехов,
Все свое напоказ: «Ну что скажете?»
Чтоб красу оценить, недостаточно слов –
Задержаться, застыть не прикажете.

У земной красоты неземной колорит.
Дамы все, как одна – роковые.
Сколько кануло лет, а в душе все звучит:
«Не шалите, глаза голубые».

Вот такая весна. В ней легко утонуть.
Я ж старался – лишь против течения.
Но спасибо судьбе – начертала маршрут.
В нем сегодняшний пункт назначения.

Алексей Мохин

То - Пинюг

Трущобы Пинюга, дороги,
Где колеи полны водой.
По сторонам дома-берлоги,
И люд с житейскою бедой.

Забор из горбыля, помойки,
Кюветы, сырость, слизь и грязь,
Лишь пес дворовый лает бойко,
Проспать кого-нибудь боясь.

Бухой мужик. Переплетает
Нога с ногой кривую нить.
Одна лишь мысль в мозгу витает:
«Пил, пью и вечно буду пить».

Уборной скрипнет дверь уныло,
Наружу выкатив изъян
Реальности, где так постыло
Век доживает ветеран.

Могил кресты, свист тепловоза,
Вокзала блеск и чернь домов.
В вагонах русская береза,
Народ без бани и без дров.

То – Пинюг. Люди и тревоги
На переломе двух веков.
Еще один сюжет убогий
Страны «дорог и дураков».

На мосту

Для истории сделают снимки,
Фотокамеры расчехлив.
И случайные сдуют пылинки,
Залетевшие в объектив.

Ленту алую дружно порежут
Из высоких чинов господа,
Претворив в жизнь мечты и надежды
Поселения Октябрь на года.

Новый мост без фанфар открывая,
По июльской жаре сдадут,
А весной ледорезные сваи
О себя толстый лед разобьют.

...Уезжал я с моста, и праздник
Ощущался над Пушмой-рекой,
И какой-то мальчишка-проказник
Помахал на прощанье рукой.

Татьяна Курдюмова

Подруге детства

С младшей ясельной группы мы дружим с тобою,
Свел нас ежик резиновый, старый, без глаз.
Помнишь, он нам двоим доставался без боя
За игрушки, ненужный другим всякий раз.

Мы же в куклах красивых с тобой не нуждались,
Нам фантазия их заменяла с лихвой.
В свой придуманный мир с головой погружались,
Сочиня истории наперебой.

Незаметно мечты вместе с нами выросли,
Обретая земные характер и плоть.
Годы юности вешней водой отшумели,
И по разным дорогам увел нас Господь.

Но ростки детской дружбы нет-нет и пробьются
Из-под корки житейских забот и тревог
В редкий час, когда души, как сестры, сойдутся,
Лишь едва переступим мы отчий порог.

Ведь, поверь, для меня ты осталась все той же –
Самой доброй из сверстниц моих и подруг,
Самой преданной, чье постоянство дороже
Новых дружб, как ни мил и прекрасен их круг...

Из цикла «Восемью восемь»

Для мозга мысль и действие едины.
Дурные мысли могут разрушать.
Хулу и гнев копя, себе вредим мы:
Страдают наши тело и душа.
Кого ж винить в бесчисленных недугах?
Нам одолеть их не поможет врач,
Пока не прекратим терзать друг друга,
И каждый будет сам себе палач.

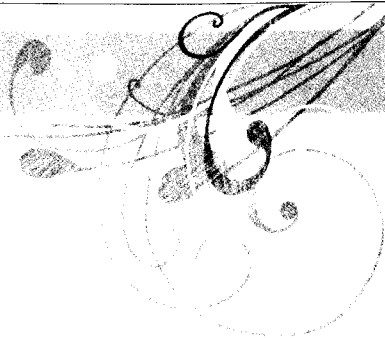
Мудра печаль. Ей миллионы лет.
Пусть холоден ее неяркий свет,
Но ровен, чист и никогда не гаснет.
Она смотреть умеет беспристрастно.
Так отчего наперекор судьбе
В подруги и наперсницы себе
Обманчивую радость выбираю?
Для мудрости еще не так стара я?

А музыку можно только чувствовать,
А музыку понимать нельзя.
Над всеми другими искусствами
Свод музыки вознесен не зря.
А, может быть, есть такие залы,
Где каждый из нас прозвучит,
Одни – симфонией, другие – хоралом,
Вот только бы не услышать: «Замолчи!»

Худое худым не исправить,
Воды решетом не набрать.
Жизнь преподавать не устанет
Святую науку добра.
Нет проще премудрости этой,
Открытой с младенчества всем,
Но вертится наша планета
Лишь ради нее между тем.

Ольга Кузнецова

Рисую с чистого листа

Рисую с чистого листа
И вновь ликую,
Наверно, это неспроста
Я так малую.
Вливаю листики берез,
Как строчки ряби,
Их отражения всерьез
В дорожной хляби...

Рисую с чистого листа
Лесные дали,
С весенним посвистом скворца
Ловлю едва ли,
И размываю новый звук
Я в перелески,
Там зазвучать он сможет вслух
И станет веским...

Он аргумент весенних слов,
Весенних красок,
Он оживленье моих снов,
Срыванье масок...
Ярка картина и чиста,
Не будет всеу,
Рисую с чистого листа,
Себя рисую...

Под зонтиком березы не укрыться...
Последний торопливо падал лист...
Но, может быть, зимой она приснится
И мне прошепчет: «Ты весны дождись...

В лесу

Мне покой здесь не снился,
Он падал с листа,
Он по лучику солнца
Мне в душу...

И душа, и Вселенная
Снова чиста,
Только здесь
Я покой не нарушу...

А осень вновь спешит,
И ситец разноцветный
Она меняет.
Охра по земле.
И птиц далекий клин,
Их зов приветный,
И сосен ставший жестче
Малахит.
И скорая зима,
Макнув в белила осень,
Затянет вьюг
Симфонию в ночи,
И снова сердце
Беспокойно просит –
Ты подожди,
Ты просто помолчи...

У зеленой тоски
Вновь на поводу,
Резь в глаза, как пески,
Боль по поводу...
Утомленной, пустой
И незрячею
Оторвусь в небеса
Я горячие...
От зеленой тоски
На заката огонь,
Пропущу сквозь пески
Я соленую боль...

Нина Булдакова

Дом на угоре

Крайний дом у реки на угоре,
Как глаза, свои окна раскрыв,
Призатих и, как будто, в угоре:
Позабыли его, а он жив.

И хозяев он ждет исправно,
Да и стены его крепки,
Что тепло еще держат славно,
И не сгнили его потолки.

А однажды бродяга-ветер
Прошептал ему потихоньку,
Что встречал он хозяев где-то,
Да не помнит, в какой сторонке.

Не хочу, чтоб ты, дом, обольщался –
Зря напел тебе ветер-обманщик:
Твой хозяин недавно скончался,
А хозяйка твоя – еще раньше.

Не придут, не истопят печку,
Не окликнут своих внучонков
И не сядут на теплом крылечке
Слушать лепет рябинки тонкой.

Дети, внуки не едут в деревню,
Не хотят на селе оставаться,
Не хотят обрабатывать землю,
Едут в город – за счастьем, богатством.

Может, только сосед иль прохожий
Бросят взгляд на крутое крылечко
И помянут словом хорошим
Тех людей, что ушли в бесконечность.

Так что, дом, привыкай все рассветы
Одиноко встречать на угоре.
Утешай себя тем, что, вообще-то,
Не единственный ты в этом горе.

Бабки на завалинке

Много сказано, пересказано,
Понавышито, понавязано.
То, как кружевом-паутиночкой,
То лубочною яркой картиночкой.

Льются речи такие славные,
Да и сами бабки забавные.
Уже час говорят о тальяночке,
О давнишней пляске-гуляночке.

Как на празднике хоровод вели,
Как потом при луне провожались-шли.
Да не близко, не обжимались,
А за ручку лишь и держались.

А уж если кто целоваться стал,
Для говори на год целый тему дал:
Коль порядочный – засылай сватов,
Жить с семьей, с женой должен быть готов.

– А я помню, Егоровна, Ваню твою,
Говорили в деревне соседи его:
«Не по ровне заламываш веточку –
Не дадут тебе в жены ту девочку».

– Но настойчив был Алексеич твой,
Не покинул тебя ни зимой, ни весной.
Упросил, улестил и тебя, и родных –
Свадьбу справили через две зимы.

– А Фаинка-то ваша, Фаиночка,
Ох, и девка была, как картиночка.
Сколь годков над Васьком издевалася,
А ему все равно и досталася.

Трубовщина-моряк на гуляночке
Понаяривал на тальяночке,
И плясали все, веселилися,
Ленты яркие в косах вилися.

И подраться парням приходилося,
Коль одна, а двоим полюбилася.
И дрались не в углах, не пистольями,
А в кругу – кулаками да кольями.

...Шестьдесят уж лет тому минуло,
Много сверстников мир покинуло,
А как вспомнишь то время далекое,
Так душа и взлетит в небо соколом.

Наталья Мухачева

Город

Время летит, убегает куда-то,
Вновь календарь свои листья теряет,
Наши мечты, нашу жизнь отражает.
Время летит, хоть оно не крылато.

Город живет своей правильной жизнью:
Шум, суета и дорожные пробки.
Я не могу в этой тесной коробке,
Я не живу, не мечтаю, не мыслю.

Я далеко. Я в мечтах своих сладких
Вновь улетаю к родному причалу.
Знаешь, мой город, я очень скучаю...
Здесь одиноко, тоскливо и зябко.

Солнечный луч – золотистая спица.
Люди спешат. Затеряюсь в толпе я.
Город улыбкой меня не согреет.
Шум, суета, незнакомые лица...

Время спешит, убегает по кругу,
Снова весна наступила неожиданно.
Только на сердце туманно, печально...
Город не стал ни врагом и ни другом.

Наша осень

Хочу бродить с тобой по желтой роще,
Хрустеть листвой, как в детстве, и смеяться,
Срывать рябины ярко-красной броши,
Случайно в старой церкви обвенчаться.

Хочу дарить тепло и поцелуи,
Наполнить этот мир незримым смыслом,
Делить с тобой и жаркий зной июля,
И золото осенних теплых листьев!

Опускаюсь на землю отчаянно
И срываю уставшие крылья...
Наш полет завершен, и нечаянно
Сон тревожный становится бьюлю.

Ты мне небо открыл ярко-синее,
Белой птицей с тобою я стала.
Крылья дал озорные и сильные,
Чтоб легко над землею летала.

Но теперь солнце спрятано тучами,
И озябшие крылья устали,
Обжигают морозы трескучие,
Не зовут к себе синие дали.

Наше счастье с тобой где-то спрятано,
Но забыть его оба не в силах.
Так давай же поднимемся заново
На красиво расправленных крыльях!

Пусть заброшены книги со сказками
И вокруг одиночества море,
Я дождусь тебя, ангел мой ласковый,
Мое счастье и горькое горе.

Ты вроде бы рядом, но ты не со мной.
Снежинки ложатся на теплые губы,
И кто-то кого-то сегодня разлюбит...
Ты вроде бы рядом, но, знаю, не мой.

С тобой было солнечно, ярко, легко,
И руки мои грелись в мягких ладонях.
Мы были похожи на старых знакомых...
Теперь же ты рядом, но так далеко!

Скучаю по нашей счастливой зиме,
По свету улыбки твоей беззаботной.
Прогоним январь! Он был злой и холодный.
Я руку уже протянула тебе.

Так холодно в этой морозной тиши,
Слеза застывает в хрусталик печальный.
Ты в жизни моей не прохожий случайный,
И прочь уходить, я прошу, не спеши.

Содержание

Михаил Рыбин.....	5
Татьяна Смирнова	11
Галина Некипелова.....	15
Татьяна Макарова.....	19
Лидия Дурягина	29
Татьяна Колосова	33
Татьяна Ветрова	35
Сергей Дорожковский.....	39
Александр Бубнов.....	45
Татьяна Ядрихинская	49
Василий Ситников.....	53
Галина Плетнева.....	57
Юрий Опалев.....	65
Ольга Кульневская	71
Андрей Климов.....	77
Тайлера Бологова.....	81
Вера Багрецова	85
Николай Алешинцев.....	89
Ростислав Панов	103
Николай Гагарин.....	109
Юрий Зайцев	111
Ольга Зотикова	119
Леонид Лешуков	123
Николай Игумнов	129
Виктор Цветков	133
Владимир Терентьев.....	139
Надежда Мохина	143
Любовь Петухова	149
Олег Пинежанин.....	151
Алексей Мохин	153
Татьяна Курдюмова.....	155
Ольга Кузнецова.....	157
Нина Булдакова	159
Наталья Мухачева	163

Не глубинка здесь – глубина!
Суть земли этой – в каждой тропинке,
В отчем доме, реке и травинке,
В песнях, говоре – в них старина,
Не глубинка – Руси глубина!

Золото падает с синего неба.
Здравствуй, весенний рассвет,
Месяц-краюху засохшего хлеба,
Ночь дожевала чуть свет.

Там вдалеке коробки деревеньки,
Стали чернеть по весне,
Выйду во двор по замершим ступенькам,
В ранний апрель належке.

*В белом кружеве или борозы,
Самоцветом блистают снега,
За окошком лютуют морозы,
Стелёт белая бязь пурга
Земный холод любовь не разрушит,
Если рядом родные глаза,
Лишним домом счастьем послужит
Набежавшая скупой слеза.*

Белогорье

ООО «Издательский Дом Вологжанин»
Отпечатано в типографии «Альфа-принт»
Тел./факс: (8172) 79-51-99, 21-18-59